
Джонатан Литтелл о войне в Украине

Оглавление

03/03/2022 Вечная война. О том, на чем строится политика Владимира Путина. И о том, что может его остановить

03/28/2022 Когда Путин разделяется с украинцами, он примется за вас. Писатель Джонатан Литтелл обращается к своим российским друзьям — и призывает их срочно действовать

04/14/2022 Политика умиротворения Путина аморальна. Писатель Джонатан Литтелл призывает западные страны к решительности в борьбе с угрозой всему миру

06/27/2022 Договариваться с Путиным бессмысленно. Его нужно победить

08/12/2022 Что такое Украина? Репортаж писателя Джонатана Литтелла. Он съездил в Бучу и другие города под Киевом — и своими глазами увидел последствия российской оккупации

08/29/2022 Груз-200. Писатель Джонатан Литтелл и фотограф Антуан д'Агата побывали в моргах Украины, где хранятся тела убитых украинцев и российских солдат. Вот что они там увидели

10/05/2022 Последний блеф Путина. О том, почему с 24 февраля Путин только и делает, что показывает миру свою слабость. А повышение ставок в войне лишь подтверждает это

02/24/2023 Мы сами позволяем Путину верить в то, что он еще не проиграл. Писатель Джонатан Литтелл подводит итоги первого года российско-украинской войны. Он уверен: Запад сделал недостаточно

Вечная война

Писатель Джонатан Литтелл — о том, на чем строится политика Владимира Путина. И о том, что может его остановить

07:32, 3 марта 2022

Источник: Meduza

<https://meduza.io/feature/2022/03/03/vechnaya-voyna>

Джонатан Литтелл на открытии выставки «Зона отчуждения», посвященной 80-летию массовой казни в Бабьем Яре. Киев, 27 сентября 2021 года
Evgen Kotenko / Ukrinform / Vida Press

Писатель и кинематографист Джонатан Литтелл — автор исторического бестселлера «Благоволительницы», рассказывающего о нацистских преступлениях от лица офицера СС, — давно и глубоко погружен в изучение современной российской истории. Он долгое время провел в России, работал в составе гуманитарной миссии в Чечне и написал книгу «Чечня. Год третий», в которой исследовал режим Рамзана Кадырова. После начала войны в Украине Литтелл написал статью о том, зачем Путину новая война — и почему его не смогли остановить. Ее русскую версию мы публикуем одновременно с «Украинской правдой», Le Monde и The Guardian. Перевод Галины Юзефович.

22 года назад несправедливая война привела Владимира Путина к власти. С этого момента война всегда оставалась одним из главных орудий, к которому Путин без колебаний прибегал на протяжении всего своего правления. Владимир Путин обязан войне

своим процветанием и самим своим существованием. Будем надеяться, что на этот раз война его и уничтожит.

В августе 1999 года никому еще не известный Владимир Путин был назначен премьер-министром после того, как его предшественник отказался повторно вторгнуться в Чечню. Путин же был к этому готов, и в обмен на безусловную поддержку даровал военным полную свободу действий, позволив огнем и кровью отплатить за унижение 1996 года. В полночь 31 декабря 1999 года старый и сломленный Борис Ельцин сложил с себя полномочия, как подарок вручив свое президентство новому политику. В марте 2000-го, прославившись обещанием «мочить террористов в сортире», Путин был триумфально избран президентом. С тех самых пор, за вычетом четырех лет между 2008-м и 2012-м, которые он провел на посту премьер-министра, Путин бессменно правит Россией.

Я вернулся в Чечню в качестве сотрудника гуманитарной миссии вскоре после начала второй войны. В феврале 2000-го я обедал там с Сергеем Ковалевым, великим русским правозащитником, и наконец задал вопрос, который был тогда у всех на устах: так кто же такой этот новый неведомый президент? Кто такой Путин? Я до сих пор слово в слово помню, что он мне тогда ответил: «Вы хотите знать, молодой человек, кто такой Владимир Путин? Владимир Путин — подполковник КГБ. А вы знаете, что такое подполковник КГБ? Абсолютно ничего». Ковалев имел в виду, что человек, не сумевший подняться выше этого чина, стать хотя бы полковником, не более чем узколобый оперативник, не способный мыслить стратегически или просчитывать хотя бы на два хода вперед. И хотя за 22 года во власти Путин заматерел и набрался опыта, я по-прежнему убежден, что в главном Ковалев был прав.

Впрочем, Путин скоро проявил себя как блестящий тактик, особенно в том, что касалось способности эксплуатировать слабости и внутренние противоречия Запада. На то, чтобы сокрушить чеченцев и установить там марионеточный режим, у него ушли годы, но он достиг своей цели. В 2008 году, через четыре месяца после того, как НАТО пообещал рассмотреть возможность вступления в альянс Грузии и Украины, Путин собрал войска для «учений» возле грузинской границы, за пять дней вторгся в страну и признал суверенитет двух отколовшихся от Грузии «республик». Западные демократии вяло протестовали, но на практике ничего не сделали.

В 2014 году, когда украинский народ после долгой и кровавой революции сместил про-российского президента, отказавшегося сотрудничать с Европой и стремящегося к полному единomyслию с Москвой, Путин стремительно аннексировал Крым, осуществив первый подобного рода захват со времен Второй мировой войны. Когда наши лидеры, изумленные и потрясенные, ответили санкциями, он повысил ставки, инспирировав восстания в Донбассе, в русскоязычной части Украины, тайно используя свои войска для того, чтобы парализовать слабую украинскую армию и выкроить две новые сепаратистские «республики», в которых с того времени не затухая тлел военный конфликт. Так он начал то, что французы называют «*fuite en avant*», свое, если так можно выразиться, «великое восхождение». На каждом следующем шаге Запад пытался увещевать и наказывать Путина при помощи мягких и неэффективных мер в тщетной надежде сбить с него спесь. И на каждом следующем шаге тот удваивал ставки, двигаясь дальше. И дальше.

Физически Путин — невысокий человек, которому взросление в послевоенном Ленинграде, вероятно, далось нелегко. Очевидно, именно там он усвоил урок: если ты мельче других — бей первым, бей изо всех сил, бей до конца. И тогда большие парни испугаются и отступят. Это знание глубоко укоренилось в его душе. Военный бюджет США за

2020 год составил 750 миллиардов долларов, объединенный военный бюджет Европы — 378 миллиардов евро, а России — всего около 61,7 миллиарда долларов. И несмотря на это мы до сих пор боимся его больше, чем он нас. В этом и состоит преимущество того, чтобы драться, как загнанная в угол крыса, а не как пухлый мальчик, размякший на диете из кока-колы, инстаграма и восьмидесяти лет мира в Европе.

Путин, должно быть, возликовал, когда США и Европа, стремясь загасить открытый конфликт в Донбассе, тихонько спустили ситуацию с Крымом на тормозах, по сути дела, признав незаконную аннексию. Он видел, что, хотя западные санкции болезненны, подлинно глубоких ран они не наносят, позволяя ему и дальше наращивать свое могущество и военную мощь. Он видел, что Германия — величайшая экономическая сила в Европе — не готова отказаться от российского газа и от российского рынка для своих автомобилей. Он видел, что может свободно покупать европейских политиков, включая бывших премьер-министров Франции и Германии, и сажать их в советы директоров компаний, находящихся под контролем государства. Он видел, что даже те страны, которые формально осуждали его действия, продолжали при этом повторять мантры о «дипломатии», «перезагрузке» и «необходимости поддержания нормальных отношений». Оказывая давление, он каждый раз видел, что Запад уступает и сдается, лелея при этом в душе надежду на некую призрачную «сделку»: Барак Обама, Эммануэль Макрон, Дональд Трамп — список можно продолжить.

Путин начал убивать своих оппонентов как в России, так и за рубежом. Когда это происходило здесь, мы бурно возмущались, но дальше этого дело ни разу не пошло. Когда в 2013 году Обама молча проигнорировал собственную «красную линию» в Сирии, отказавшись вмешиваться даже после химических атак режима Асада в мирных пригородах Дамаска, Путин сделал себе соответствующую пометку. В 2015 году он послал в Сирию собственные войска, укрепив уже имеющуюся там военно-морскую базу в Тартусе и создав новую военно-воздушную базу в Хмеймине. На протяжении последующих семи лет он использовал Сирию в качестве плацдарма для обкатки своего военного потенциала, обеспечивая офицеров бесценным полевым опытом, оттачивая тактику и координацию, совершенствуя снаряжение, попутно подвергая бомбардировкам и уничтожая тысячи сирийцев, а также помогая Асаду вернуть себе контроль над значительной частью территории.

В январе 2018-го Путин вступил в прямую конфронтацию с Западом в Центрально-Африканской Республике, послав туда наемников из ЧВК Вагнера. Тот же процесс сейчас идет в Мали, где военная хунта при поддержке России буквально вышвырнула из страны французскую миссию, противостоящую силам «Исламского государства». Россия активно действует в Ливии, раз за разом срывая попытки Запада установить там мир и размещая свои войска вдоль южных берегов Средиземного моря — там, где они создают непосредственную угрозу европейским интересам. Каждый раз мы выступали с протестами, каждый раз мы терпели неудачу и ровным счетом ничего по этому поводу не предпринимали. И каждый раз он делал из этого свои выводы.

Украина стала тем поворотным моментом, когда Путин, наконец, решил выложить карты на стол. Он явно верит, что сможет одержать победу над Западом, совершив первое с 1945 года ничем не спровоцированное вторжение на территорию суверенного государства. И верит он в это потому, что все сделанное (или, вернее, не сделанное) нами за прошедшие 22 года показало ему: мы слабы.

Возможно, Путин — гений тактики, но стратегически мыслить он не способен. Наши лидеры отказывались понимать его по-настоящему, но и у него никогда не было цели понять нас. Полностью изолировавшись из-за ковида на последние два года, Путин, похо-

же, окончательно впал в паранойю, всерьез проникнувшись панславянской, неоимпериалистической православной идеологией, поначалу абсолютно искусственной и призванной лишь придать легитимный лоск его полностью коррумпированному режиму. Кажется, в том, что касается украинцев, он в самом деле поверил собственной пропаганде.

Думал ли он, что они радостно встретят своих русских «освободителей»? Что они просто сдадутся? Если так, то он сильно просчитался. Украинцы дерутся, и, хотя уступают российской армии в численности и вооружениях, дерутся отчаянно. Учителя, офисные клерки, домохозяйки, художники, студенты, диджеи и эстрадные звезды берут оружие и идут стрелять в российских солдат, многие из которых — почти дети, не имеющие представления, зачем и почему они здесь оказались. Украинцы не уступают без боя ни пяди своей земли, и, похоже, Путину не удастся захватить их города без того, чтобы сровнять их с землей подобно Грозному или Алеппо. Не стоит думать, что Путин побойится сделать это с Киевом просто потому, что Киев — «европейский город». Бомбардировки уже начались.

После первоначального шока до западных демократий начало понемногу доходить, какую колоссальную угрозу Путин представляет для всего послевоенного миропорядка, для Европы и для нашего «образа жизни», который он так открыто презирает. Введены поистине сокрушительные санкции без оглядки на наши собственные экономические интересы. В Украину течет оружие. Германия буквально за одну ночь осознала, что не может больше рассчитывать на снисходительность других в том, что касается ее безопасности, и что ей нужна собственная армия, эффективная и функциональная. Россия оказалась полностью изолирована на международном уровне, а ее экономический потенциал понес огромный урон.

Но этого недостаточно. Покуда Путин находится у власти, он будет повышать ставки, идти напролом и стремиться причинить как можно больше вреда. Просто потому, что он презирает Запад, и потому, что его власть основана исключительно на насилии — не потенциальном, но систематическом и совершенно реальном. Это единственный доступный ему тип поведения. Точно ли его ядерная угроза просто блеф? Можем ли мы себе позволить в это поверить? Пока он правит Россией, никто в мире не будет чувствовать себя в безопасности. Никто.

Единственный способ выйти из создавшегося кризиса — сделать поражение Путина в Украине настолько катастрофическим для России и ее подлинных интересов, чтобы у его собственной элиты не осталось другого выбора, кроме как устранить вождя. А для этого можно сделать много больше того, что делается и уже сделано. Наши правительства сосредоточились на наказании русских «олигархов», но им следует понять: Путин не питает к российским богачам ничего, кроме презрения, ему плевать на их мнение и их активы. Для него они в лучшем случае дойные коровы, которых он использует по своему усмотрению.

В качестве мишени западных санкций нужно избрать людей, которые служат подлинными проводниками путинской воли: всю его службу безопасности и высший административный аппарат. Не только пару десятков уже подвергшихся санкциям персон, но тысячи средней руки чиновников в администрации президента, в госбезопасности, в армии. Эти люди не миллиардеры, но все они мультимиллионеры, и им есть что терять. Разружьте жизни этих людей — и пусть уж они сами рассудят, кто в этом виноват. Конфискуйте недвижимость в Англии и Испании, запретите выезды в Куршевель и на Сардинию, без лишних церемоний вышвырните их детей из Гарварда, Оксфорда и Йеля, а их самих заприте в России, без возможности выехать и без доступа к импортным

товарам, на которые они могли бы потратить свои ворованные деньги. Пусть лично они заплатят настоящую цену и уж тогда решают, стоит ли это того, чтобы поддерживать сумасшедшего властолюбца на троне. Пусть решают, хотят ли обрушиться в бездну вслед за ним.

Двадцать два года Россия была жертвой безумного, коррумпированного тоталитарного режима, которому мы в значительной степени сами же потакали. Но это великая страна, которую я бесконечно люблю, родина удивительных, гуманных и справедливых мужчин и женщин. Она заслуживает большего, чем клика воров, разбазаривающих ее богатства, прикрываясь иллюзорными имперскими фантазиями, и уничтожающих соседей в своей неумной жажде беспредельной власти. Россия заслуживает свободу — ту самую свободу, которой Украина кровью и болью, но сумела добиться за последние десятилетия. Прекращение огня на Украине — это жизненно необходимый и срочный первый шаг. Полный вывод российских войск — второй. Но после этого Путин должен уйти.

Джонатан Литтелл

Когда Путин разделяется с украинцами, он примется за вас

Писатель Джонатан Литтелл обращается к своим российским друзьям — и призывает их срочно действовать. «Медуза» публикует его письмо

01:00, 28 марта 2022

Источник: Meduza

<https://meduza.io/feature/2022/03/28/kogda-putin-razdelaetsya-s-ukraintsami-on-primetsya-za-vas>

aslu / ullstein bild / Getty Images

После вторжения российских войск в Украину писатель и кинематографист Джонатан Литтелл опубликовал на нескольких языках статью о том, зачем Владимиру Путину понадобилась эта война. На русском языке текст вышел на «Медузе». Для Литтелла это во многом личная история: долгое время он провел в России, работал в составе гуманитарной миссии в Чечне и написал книгу «Чечня. Год третий», в которой исследовал режим Рамзана Кадырова. В своей новой статье он обращается к своим многочисленным друзьям в России — с призывом взять ответственность за спасение страны в свои руки.

Мои дорогие друзья из России!

Друзья давнишние, друзья не столь давние, друзья, с которыми я не знаком лично, друзья по духу и разуму. Для вас теперь тоже настали тяжелые времена. За последний месяц я общался со многими из вас. Ваша жизнь, которая никогда не была легкой, полностью перевернулась, как и жизнь каждого украинца. Многие из вас бегут из России. И многие из вас признавались мне, что чувствуют вину и стыд из-за действий вашей страны по отношению к вашим соседям. Из-за того, чему от вашего имени подвергается Украина.

Над некоторыми из вас, активистами, уже давно нависала угроза, и вы готовились к решаемому удару. В начале марта я написал Александру Черкасову, очень давнему своему другу из «Мемориала». «Расскажу чуть погодя, — по обыкновению лаконично ответил Саша. — Сейчас после обыска ходим по руинам. Выпотрошенные компьютеры. Взломанные сейфы». Другие же — деятели культуры, художники, критики, писатели — потрясены внезапным обрушением вашего хрупкого мира. Никому из вас не нравится Путин и его режим воров и фашистов, большинство из вас их ненавидят. Но давайте будем честны: за исключением очень немногих из вас — тех, кто работал в «Мемориале», в «Новой газете», на «Эхе Москвы», в «Медузе», организации Навального и ряде других мест, — многие ли из вас делали хоть что-то для сопротивления этому режиму? Кроме разве что участия в митингах, когда они еще проходили? А если так, вы уверены, что ваши чувства стыда и вины не просто абстракция? Может быть, они вызваны вашим длительным безразличием к происходящему вокруг, вашей апатией и вашим пассивным соучастием, которые теперь, наверное, тяжким грузом легли на ваши душу и сердце?

Так было не всегда. В 1990-е был короткий период, когда вы до определенной степени обладали свободой и демократией — беспорядочной, даже кровавой, но настоящей. Но 1991 год оказался не лучше 1917-го. Отчего всякий раз, как у вас наконец случается революция, вас в результате охватывает такой сильный страх перед смутой, что вы ищите спасения за спиной царя, будь его имя Сталин или Путин? Сколько бы людей он ни убил, вам все равно кажется, что при нем безопаснее. Отчего это так? Действительно, были допущены ошибки. Вместо того, чтобы захватить и обнародовать архивы КГБ, как это сделали немцы со штази, вы отвели душу на памятнике Дзержинскому — и позволили КГБ залечь на дно, обновиться, перестроиться и захватить власть над страной. Когда вы были поставлены перед выбором между грабежом страны и возвращением коммунистов, вы не стали бороться за возможность третьего варианта — и покорно смирились с грабежом. В 1998 году ваша экономика рухнула, и это ознаменовало конец массовых митингов за большую социальную справедливость или против войны в Чечне. Главной заботой стало выживание.

Затем появился Путин. Молодой, предприимчивый, агрессивный, он обещал расправиться с террористами и поднять экономику. Мало кто из вас на это купился, но вы все равно либо за него проголосовали, либо же предпочли не голосовать вовсе. Когда же

он стал заново сравнивать Чечню с землей, большинство из вас закрыли на это глаза. Я хорошо помню те годы. Я тогда как раз работал в Чечне, помогая пострадавшим от путинской «контртеррористической операции», и собственными глазами видел руины Грозного, Катыр-Юрта, Итум-Кали и других городов.

Иногда по выходным я возвращался в Москву и весело тусовался с вами, друзья мои. Мы пили, танцевали, и порой я пытался рассказать вам об ужасах, которым был свидетелем: о пытках мирных жителей, об убитых детях, о солдатах, продававших тела погибших их семьям. Вы же мне говорили: «Джонатан, нам уже надоела твоя Чечня». Я очень хорошо помню эти слова. В ответ я негодовал: «Ребята, это не *моя* Чечня, это *ваша* Чечня. Это *ваша* страна, черт возьми, а не моя. Я здесь просто глупый иностранец. Это *ваша* власть бомбит один из *ваших* городов, убивает *ваших* сограждан». Но нет, это все было слишком сложно, слишком болезненно, и вы не хотели ничего знать.

Затем наступил экономический подъем середины нулевых, обусловленный растущими ценами на нефть и готовностью Путина смотреть сквозь пальцы на то, что часть ворованных денег оседает в карманах среднего класса. Многие из вас стали хорошо зарабатывать, некоторые разбогатели, и даже беднейшие из вас приобрели новое жилье и нашли работу получше. Цены росли, но что за беда? Москва празднично сияла и лоснилась от шика. Когда убили нескольких оппозиционеров — Юрия Щекочихина, Анну Политковскую, Александра Литвиненко и других, — многие из вас были в шоке и выражали свой ужас по поводу происшедшего. Но дальше этого дело не шло. Когда после двух сроков Путин уступил пост президента Медведеву, а сам занял место премьера, вы, насколько я могу судить, едва ли обратили на это внимание. Когда после нескольких месяцев при Медведеве Россия вторглась в Грузию, большинство из вас это либо проигнорировало, либо смолчало. Скольких из вас я встречал в последующие годы на горнолыжных склонах Гудаури, в предгорьях Казбеги или в кафе и турецких банях Тбилиси, пока часть этой страны была оккупирована вашей армией? Должен признать, что едва ли и мы на Западе делали многое, если вообще что-либо делали. Немного возмущения, немного санкций; но какое имело значение, что Россия вопиющим образом нарушает международное право, когда был так велик соблазн российской нефти, газа и внутреннего рынка? Жить в России было хорошо. А после тяжких 1990-х это было самое главное.

Впрочем, в конце 2011-го вы, мои российские друзья, все же очнулись. Когда Путин вновь поменялся местами с Медведевым и занял президентское кресло, как прежде, многие из вас решили, что это уже чересчур, и массово вышли на протесты. Имя Навального стало нарицательным, вы не уходили с улиц в течение полугода, и режим наконец-то с ужасом почувствовал, что теряет почву под ногами. Затем он нанес ответный удар. Сначала были организованы альтернативные акции, потом были приняты более репрессивные законы, и тюрьмы стали наполняться людьми. Тысячи оказались арестованы. Некоторые получили очень большие сроки. Остальные же опустили руки и разошлись по домам. «А что нам было делать?» Я слышал это так часто и слышу до сих пор. «Государство такое сильное, а мы такие слабые». Что ж, посмотрите на украинцев. Взгляните на то, что они сделали два года спустя. Разгневанные пророссийским президентом, который обманул их европейские надежды, они один раз захватили Майдан — и больше уже его не покидали. Они абсолютно самостоятельно встали там палаточным городком и приготовились к решительной обороне. Когда пришла полиция и попыталась его разрушить, они стали защищаться при помощи палок, арматуры и коктейлей Молотова. В конце концов полиция открыла огонь. Но вместо того, чтобы обратиться в бегство, протестующие перешли в атаку. Многие погибли, но они победили. В бегство обратился Янукович, а украинцы вернули себе демократию, право самим выбирать своих лидеров и прогонять их, если они плохо делают свое дело.

Майдан пришелся Путину очень не по душе. Это подавало дурной пример. Поэтому, воспользовавшись всеобщей сумятицей, он захватил Крым. Некоторые из вас были против, но толку от этого было мало. А сколь многие были в восторге! Насколько мне известно, 91% граждан России поддержал аннексию. «Молодец! Молодец! Крым наш!» — хором повторяли ваши сограждане в имперском угаре. Я имею в виду не только беднейшие слои населения из нищих уголков страны, где вся политика — это водка и картошка, но и некоторых из вас, друзья мои, которых я знаю лично. Писатели. Редакторы. Интеллектуалы. Та же история с Донбассом. Новороссия — Новая Россия! Откуда ни возьмись родился новый миф, и многие из вас, кто презирал Путина и его шайку, вдруг повернулись на 180 градусов и стали его боготворить. Мне сложно судить о причине, поскольку вскоре после этого мы прекратили общение. Другие же, те, кто остались моими друзьями, в основном помалкивали. «Нас не интересует политика», — говорили вы. И вы снова прятались в книги, кино, каталоги ИКЕА и парки, совершенно как новые после реставрации, начатой мэром Москвы в 2012 году, — с их бинбэгами, общедоступным вайфаем и хипстерскими кафе. В самом деле, Донбасс далеко, а Москва так хороша — и становится только лучше.

Вы едва обратили внимание на Сирию. Там же были террористы, правда же? ИГИЛ или что там... Даже московский издатель, выпустивший мою книжку о Сирии, раскритиковал ее тогда в интервью, потому что я, мол, ровным счетом ничего не понимал в том, что происходит в Сирии. Ну, по крайней мере, я ездил туда и сам видел, как на улицах Хомса правительственные снайперы хладнокровно стреляют по детям одного возраста с моими. Из всех граждан России там побывали только ваши солдаты, которые в 2015 году стали бомбить тысячи мирных жителей, приобретая опыт для следующей серьезной войны.

Разумеется, многим из вас знакомы знаменитые слова пастора Мартина Нимеллера:

Сначала они пришли за социалистами, и я молчал — потому что я не был социалистом.

Затем они пришли за членами профсоюза, и я молчал — потому что я не был членом профсоюза.

Затем они пришли за евреями, и я молчал — потому что я не был евреем.

Затем они пришли за мной — и не осталось никого, чтобы говорить за меня.

Сколько из вас высказывались за чеченцев, сирийцев или украинцев? Кое-кто из вас делал это. Но куда больше людей молчало. Некоторые, действительно, высказываются сейчас — как, например, Дмитрий Глуховский, Михаил Шишкин, Михаил Зыгарь, Максим Осипов и другие. Большинство позволяют себе говорить из-за границы, кое-кто — изнутри страны, как Марина Овсянникова, рискуя отправиться в новый ГУЛАГ и составить компанию Навальному.

Что касается остальных, то вам лучше всех известно, в какой стране вы живете. Поэтому, я уверен, вы понимаете следующее: когда Путин разделается с украинцами — или, что выглядит весьма вероятным, если у него это не получится, — он примется за вас. За всех вас, друзья мои: за тех, кто мужественно, но по большей части в одиночку выходил на протесты и до сих пор отделялся незначительным сроком, но вскоре получит более серьезный. За тысячами из вас, кто подписывал петиции, кто выражал несогласие в соцсетях (пусть даже только черным квадратом в инстаграме) или же высказывался в частных разговорах с коллегами на работе. Времена, когда 10 или даже 25

лет лишения свободы давали просто за анекдот, остались не в таком уж далеком прошлом — и теперь они, с большой вероятностью, ожидают вас в будущем. Кто тогда выскажется за вас? Кто останется?

Пример украинцев — даже больше, чем в 2014-м, — внушает страх путинскому режиму: они доказывают, что с ним можно бороться. И что разум, мотивация и храбрость могут его остановить, каким бы подавляющим ни было на бумаге его превосходство. Судя по всему, мало кто в России это осознает, как и то, что вообще-то идет война. Но вы, друзья мои, отлично знаете, что сейчас происходит. Вы читаете зарубежные новости в интернете, у вас у всех есть друзья или даже родственники в Украине, с которыми вы на связи. И Путин знает, что вы знаете.

Поэтому будьте начеку. Вы знаете, к чему все идет. Хорошая жизнь в обмен на ваше молчание подошла к концу. Ваши выборы — это просто хохма, ваши законы, если не считать репрессивных, стоят не больше, чем бумага, на которой они написаны, ваших последних свободных СМИ больше нет, ваша экономика рухнет быстрее, чем я пишу, у вас больше нет кредитных карт, чтобы купить билет на самолет за границу, даже если какие-нибудь рейсы еще остались. Теперь Путин не удовлетворится вашим молчанием, он потребует вашего согласия, вашей покорности. И если вы не предоставите ему то, чего он хочет, вы можете попытаться или как-нибудь уехать, или вас раздавят. Сомневаюсь, что вы видите еще какой-нибудь вариант.

И все же остается еще один. Который в конце концов и обрушит этот режим. И возможно, в сложившихся обстоятельствах от вас потребуются меньше, чем вы думаете. Поразмыслите об этом. Искра вспыхнет не от вас: ввиду экономического коллапса, надвигающегося на Россию, она, вероятнее всего, загорится в провинции, в малых городах; когда цены взлетят, а зарплаты не будут выплачиваться, те люди, что голосовали за Путина все эти годы, потому что они хотели хлеба и мира, выйдут на улицы. Путин знает это и боится этих людей намного больше, чем он боится интеллектуалов и среднего класса Москвы и Санкт-Петербурга — то есть вас, друзья мои.

Но если каждый город будет выходить на митинги сам по себе, как это уже периодически происходило, ему не составит труда подавить их поодиночке. Необходима будет организация и координация. Толпу нужно будет превратить в массу. У вас есть этот великолепный магический инструмент — интернет, который режим может ограничить, но который пока еще работает и который можно будет наладить почти при любых обстоятельствах. Организация Навального была разгромлена, но можно создать другие, более неформальные, более децентрализованные. Вас очень много, вас миллионы. Московская полиция может справиться с 30 тысячами людей на улицах города, может быть, с сотней тысяч. Если выйдет больше 300 тысяч, она будет ошеломена. Придется использовать армию, но будет ли эта армия сражаться за Путина, когда дойдет до дела? После всего, к чему он принудил их в Украине, всего, через что он заставил их пройти?

Конечно, опасность будет очень велика. Многие из вас будут испытывать понятный страх, те же, у кого есть дети, будут бояться за них. И это естественно, это нормально. Я бы на вашем месте тоже боялся. На примере Сирии, а теперь Украины Путин хотел показать вам, что случается с теми, кто осмеливается пренебречь своим хозяином, кто осмеливается не только требовать свободы, но действительно пытается ее получить. Но даже если вы ничего не предпримете, жизни множества людей все равно будут потеряны попусту. И вы это знаете. Ваш сын отпустит шутку в чате компьютерной игры — и будет арестован; ваша дочь выразит негодование в интернете — и будет арестована; близкий вам друг допустит оплошность — и умрет в сырой камере под полицейскими дубинками. Вот что происходит уже многие годы — и дальше будет только усугублять-

ся, приобретая большие и большие масштабы. Так что выбора у вас нет. Если вы ничего не предпримете, вы знаете, чем это кончится.

Пришло время для вашего собственного Майдана. Действуйте хладнокровно, мыслите стратегически и добейтесь того, чтобы это стало реальностью.

Джонатан Литтелл

Политика умиротворения Путина аморальна

Писатель Джонатан Литтелл призывает западные страны к решительности в борьбе с угрозой всему миру

08:29, 14 апреля 2022

Источник: Meduza

<https://meduza.io/feature/2022/04/14/politika-umirotvoreniya-putina-amoralna>

Francesca Mantovani / Gallimard

Писатель, кинематографист, автор исторического романа о нацистских преступлениях «Благоволительницы» Джонатан Литтелл вновь анализирует конфликт в Украине. В своем первом тексте, опубликованном «Медузой» (одновременно с «Украинской правдой», Le Monde и The Guardian), Литтелл рассуждал о том, почему Путин вообще развязал эту войну. Во втором писатель призывал оппозиционных россиян выступить против агрессивного режима — иначе следующей после украинцев жертвой станут они сами. В новом тексте Литтелл упрекает правительства западных стран в нерешительности и убеждает их в том, что упорное противодействие — единственное, что может остановить Кремль. Французскую версию статьи публикует газета Le Figaro.

На прошлой неделе наши лидеры здесь, на Западе, эмоционально отреагировали на шокировавшие их фотографии сотен мирных жителей, убитых в Буче и других пригородах Киева. «На фотографии из Бучи невыносимо смотреть», — сказал Эммануэль Макрон. «Ужасные, чудовищные фотографии», — так описал снимки Олаф Шольц. «Это удар кулаком под дых», — заявил Энтони Блинкен.

И они абсолютно правы. Только когда это слышишь, складывается удручающее впечатление, что они впервые видят такие фотографии — фотографии мирных жителей, убитых российскими солдатами. Однако вот уже двадцать два года, как мы смотрим на такие кадры. Просто все эти годы наш рассеянный взгляд падал на трупы чеченцев, грузин, сирийцев, центральноафриканцев, ливийцев. Это настораживало, но не настолько, чтобы ставить под сомнение нашу политику сближения с Владимиром Путиным — политику постоянной «перезагрузки», — несмотря на его провокации и преступления. Это было далеко, и несложно было закрывать на это глаза и продолжать с ним торговать, покупать у него нефть и газ и продавать ему наши «Рено» и «Мерседесы».

Однако эти конфликты и трупы были не так уж далеко — их тоже документировали европейские и американские журналисты. Я лично видел несколько трупов в Чечне после «зачисток» — вроде той, что произошла в ноябре 2001 года, когда Ризван Лорсанов, ключевая фигура в российско-чеченских переговорах 1996 года, человек, с которым я много сотрудничал и которого чрезвычайно ценил, был хладнокровно убит в собственной машине, а его труп оставлен гнить до конца «спецоперации» — так же, как и тела украинских мирных жителей, пытавшихся уехать со своими семьями по трассе E40 на запад от Киева.

В 2008 году в Грузии я снова считал почерневшие, кишасшие червями трупы, которыми были усеяны деревни между Цхинвали и Гори, — трупы мирных жителей, убитых осетинскими ополченцами Путина. В Сирии я находился до прихода российских военных, но многие мои коллеги, не обращая внимания на ракеты и бочки с бензином, которые сбрасывали российские вертолеты, делали фотографии их жертв в Алеппо, Идлибе и Гуте. Всякий раз эти тела были «внутренним делом» России или же следствием ситуации, «на которую невозможно было повлиять».

Но мы их просто не замечали. Теперь, когда они у самых наших дверей, возле города, который еще семь недель назад большинство из нас считало одной из европейских столиц, у нас наконец открылись глаза. Как это удивительно — и как прискорбно.

То, что в 2010 году Николя Саркози [на тот момент президент Франции] с присущим ему цинизмом и без малейших сомнений продал России военные корабли уже через два года после российского вторжения в Грузию, удивляет не более, чем упорство Эммануэля Макрона, который, кажется, все еще верит в то, что с Путиным можно договориться. То, что Барак Обама был не слишком обеспокоен аннексией Крыма, вторжением в Донбасс и грубым вмешательством России в Сирии, могло показаться вопиющим, но это

было логично, учитывая, что США давно махнули рукой на Европу, а Ближний Восток их вымотал.

Но все эти годы я не перестаю удивляться Ангеле Меркель. Как женщина, выросшая под российским сапогом, знающая о советской системе, КГБ и штази не понаслышке, могла всерьез полагать, что достаточно вести активную торговлю с Россией, чтобы политика последней оставалась умеренной? Последние двадцать лет она, несомненно, лучше, чем другие западные лидеры, понимала, кто такой Владимир Путин, и тем не менее продолжала придерживаться пресловутого «Wandel durch Handel» — даже после Крыма, даже после сбитого над Донбассом самолета МН17. Она поддержала и утвердила строительство газопроводов «Северный поток — 1» и «Северный поток — 2», вопреки очевидному заявляя, что это чисто экономические проекты без каких-либо возможных геополитических последствий. Жители балтийских стран, поляки и, конечно же, украинцы прекрасно понимали, что произошло, и не переставали нас предупреждать, иногда даже чересчур настойчиво. Но их никто не слушал, как никогда не слушают ни Кассандр, ни паникеров.

Сейчас мы лучше понимаем происходящее. Даже Макрон, даже немцы наконец поняли, что Путин со своим газом и нефтью держит нас за горло и что необходимо ослабить его хватку как можно скорее — но не слишком быстро, так как потребители во Франции, Германии или Италии не согласятся платить по 2,50 евро за литр бензина и европейская промышленность не сможет обойтись без российского газа, даже если это будет означать прямое финансирование войны. С 24 февраля Европа уже заплатила России около 40 миллиардов евро за газ и нефть.

После первых санкций, которые в конечном счете мало отразились на нас, мы медлим с действительно серьезными мерами. Мы мнемся, мы сомневаемся. Мы отвлекаемся на российский уголь, который на самом деле никому не нужен, чтобы выиграть еще немного времени. Мы не готовы. А почему? Даже если забыть о геополитике, мы уже сорок лет знаем, что пора положить конец нашей зависимости от ископаемого топлива, но ничего не предпринимаем. Мы игнорируем ученых так же, как Кассандр и паникеров. Вместо этого мы отдали себя на милость Путину, твердя, что он никогда в жизни не посмеет использовать нашу зависимость против нас. И теперь мы по уши в дерьме.

На этом фоне звучит одна и та же мантра: «Мы не воюем с Россией». Конечно, нет! Война — это дело украинцев, пусть сами из нее выпутываются — с нашей помощью, разумеется, но в разумных пределах, не более. Легкое вооружение, чтобы вести партизанскую войну и постепенно обескровить российских военных? Пожалуйста. Бронемашины и противокорабельные ракеты, чтобы дать им отпор? Почему нет. Самолеты, танки, объекты ПВО, чтобы их одолеть? Ни в коем случае. Отовсюду звучит: тогда мы будем втянуты в войну, а война с Россией исключена — у них же бомба, и они ее могут использовать.

Но как же наши лидеры не понимают, что, с точки зрения Путина и его силовиков, мы уже давно начали войну с Россией, задолго до вторжения в Украину? По мнению Путина, по меньшей мере с 2008-го и совершенно точно с 2012 года мы ведем постоянную войну против России и против него лично, что для него одно и то же. Расширение НАТО, которая с целью обороны приняла в свой состав страны Балтии, — агрессия против России. Митинги 2012-го против возвращения Путина на президентский пост — американский заговор, чтобы его свергнуть. Украинский Майдан — государственный переворот, организованный Госдепом США, чтобы ослабить Россию. Санкции после вторжения в Крым и Донбасс — очередное доказательство, что Запад никогда не будет рассматривать Россию как равноправного партнера.

Путин давно сделал логичные выводы в рамках своего параноидального видения мира и соотношения сил в нем. На протяжении последних десяти лет он пытается нас ослабить, подорвать Евросоюз, подкопаться под американскую демократию. Он финансирует большинство крайне правых партий Европы, включая «Национальное объединение» [партия Марин Ле Пен], всеми правдами и неправдами покупает наших политиков (вспомним Франсуа Фийона и Герхарда Шредера), он поддерживает [президента Венгрии] Виктора Орбана и [итальянского политика, одного из лидеров Лиги Севера] Маттео Сальвини, он использовал все средства своей фабрики троллей и спецслужб, чтобы повлиять на решение вопросов по независимости Каталонии и Брекзиту, а также сильно помог Дональду Трампу с избранием.

Если это не война, направленная против нас, то что мы подразумеваем под этим термином? И самое главное, если Путин рассматривает любое стихийное народное восстание как военные действия с нашей стороны, то как ему тогда относиться к нынешним санкциям и нашим поставкам оружия украинцам, какими бы ограниченными они ни были? С его точки зрения, между нами идет самая настоящая война. Для него остается только один вопрос: какими средствами и в каких пределах?

Мы делаем ничтожно мало для того, чтобы ясно обозначить эти пределы. «Даже не думайте о том, чтобы занять и пядь территории НАТО», — прогремел Джо Байден во время своего визита в Польшу [26 марта]. Путин в лучшем случае посмеялся. А скорее, прищурился и спросил себя, как ему лучше всего проверить, чего стоит это заявление. Может, нанести ракетный удар по конвою с вооружением для украинцев, который движется на польской земле? Или провести массированную кибератаку против Эстонии или Литвы? Или в очередной раз вмешаться во французские выборы?

Однажды придется решить: мы на войне или не на войне? Когда на нас откровенно нападает такой беспринципный противник, политика умиротворения не только аморальна — она невозможна. Путин не готов принять существование Украины как суверенного государства — он мечтает о конце Евросоюза и западной демократии, о мире, где правят только самые сильные и беспринципные, где идет игра без правил или же только по его правилам, которые его вооруженные силы применили в Буче: если ты сдаешься, то получаешь пулю в голову.

Будем откровенны: я отнюдь не за то, чтобы эта война переросла в третью мировую. Какими бы жестокими ни были локальные конфликты, которые развязывает Путин, по большому счету он предлагает нам «медленную войну» — новую форму холодной войны, основанную на дестабилизации, дезинформации и политической экономии. Если мы не хотим, чтобы началась война совсем другого рода, мы должны во что бы то ни стало включиться в эту войну всерьез. Потому что только когда мы действительно решимся выделить необходимые средства, чтобы обозначить наши красные линии, Путин будет с ними считаться, как его солдаты вынуждены теперь считаться с украинцами.

Пока же, несмотря на все санкции и поставки оружия на Украину, Путин продолжает видеть в нас трусов, увязших в собственном комфорте и, в отличие (по крайней мере, в его понимании) от России, не готовых идти на малейшие жертвы. Теперь, после Мариуполя, Бучи и Бородянки, пора доказать ему, что он ошибается. Давайте наконец наложим санкции на «Газпром», «Русал» и другие российские компании, которые, как мы утверждаем, нам все еще «нужны», но на самом деле уже нет — во всяком случае, не должны быть нужны. Давайте введем тотальное эмбарго на российскую нефть, и пусть Путин продает ее китайцам за 30% от ее рыночной стоимости. Давайте сейчас же прекратим все поставки российского газа в Европу: если три балтийские страны, целиком

зависимые от этого газа, смогли это сделать, то смогут и Германия, и Австрия, и Франция.

Мы сумеем решить эти проблемы, и возможно, даже в экологичном ключе, что уже многие десятилетия предлагали нам ученые и что наши политики до сих пор откладывали на неопределенный срок. И давайте, наконец, поставим украинцам оружие, о котором они просят. Раз уж мы на войне, но не собираемся посылать туда своих солдат, необходимо предоставить украинской армии средства, чтобы они не только не проиграли, но и выиграли эту войну — в которой мы участвуем все.

Джонатан Литтелл

Договариваться с Путиным бессмысленно. Его нужно победить

Новый текст писателя Джонатана Литтелла на «Медузе»

04:24, 27 июня 2022

Источник: Meduza

<https://meduza.io/feature/2022/06/27/dogovarivatsya-s-putiny-m-bessmyslenno-ego-nuzhno-pobedit>

Демонстрация солидарности с народом Украины. Рим, 25 февраля 2022 года
Alessia Pierdomenico / Bloomberg / Getty Images

Писатель Джонатан Литтелл — автор романа «Благовоительницы» о нацистских преступлениях и книги «Чечня. Год третий» о режиме Рамзана Кадырова — подмечает тревожную тенденцию. На Западе все больше думают об экономическом кризисе, вызванном войной, а не о том, как остановить российскую агрессию. В новом тексте, который на русском языке публикует «Медуза» (по-итальянски он вышел в газете *Corriere della Serra*, а на этой неделе появится еще в нескольких европейских СМИ), Литтелл объясняет, почему вести переговоры с Путиным бессмысленно.

Джонатан Литтелл
Francesca Mantovani / Gallimard

В последнее время со всех сторон звучит один и тот же безотрадный мотив: украинцы, дескать, сгущают краски; НАТО заходит слишком далеко; мы не должны забывать об инфляции; с Путиным надо поаккуратнее. Откровеннее всего высказался Генри Киссинджер, который в прошлом месяце в Давосе заявил, что под угрозой «новой войны [НАТО] с Россией» Украина должна согласиться на потерю части территории. В Германии, где правительство Олафа Шольца медлит с передачей Украине обещанного вооружения, некоторые политики явно думают, что решение проблемы энергетической зависимости Германии от России состоит не в том, чтобы с ней покончить, как бы это ни было болезненно, но в том, чтобы закрыть на нее глаза, потихоньку вернувшись к ее губительному комфорту. Не желает отставать и Эммануэль Макрон. «Россию унижать нельзя», — недавно опять подчеркнул он перед тем, как наконец отправиться в Киев.

Как же они заблуждаются! И какой же это признак бессилия, отсутствия стратегического видения, которыми Владимир Путин не преминет всячески воспользоваться. Как один российский миллиардер, близкий к Кремлю, недавно заявил британской журналистке Кэтрин Бэлтон, Путин «убежден, что Запад обессилеет... и что в долгосрочной перспективе он выиграет».

Чтобы ускорить нашу капитуляцию, он использует все имеющиеся средства: сокращение поставок нефти и газа, тщательно рассчитанное и создающее в этой отрасли крайне напряженную ситуацию; дестабилизацию Балкан; шантаж продовольственным дефицитом, который стремительно превращается в Африке в катастрофу и угрожает новым миграционным кризисом. Не говоря уже об угрозах ядерным оружием, к которым Путин регулярно возвращается, как если бы он и в самом деле был готов заплатить за свои амбиции и личную безопасность уничтожением всего мира, а заодно и России.

Стоило пройти его первоначальному удивлению от моментальной и скоординированной реакции Запада на вторжение в Украину, Путин снова сделал ставку на долгосрочную перспективу, на внутренние противоречия Европы и прежде всего на нашу слабость и тотальное непонимание, во всяком случае в Западной Европе, российского имперского сознания.

Путин, как и его министр Лавров, был обучен лгать, и ложь его естественный инструмент. Для него диалог — это лишь способ получить преимущество и продвинуть свои пешки вперед, прежде чем вновь обратиться к силовым методам, когда это потребуется. Переговоры или договоренности — подобные Минским соглашениям 2015 года, которые должны были положить конец конфликту в Донбассе, — лишь возможность закрепить успехи, пока не представится случай добиться новых. Так это работает. Думать, как Киссинджер, что можно вернуться к *status quo ante*, — заблуждение. Думать, что Путина можно заставить вести переговоры честно и что он будет (наконец-то!) уважать условия договоренностей, просто смешно. Если бы мы не были так же беспомощны, так же напуганы, так же слепы, если бы мы помогли перевооружиться Украине еще в 2015 или расположили контингент НАТО на ее территории, пусть даже только в качестве инструкторов, Путин — который уважает только один закон, право сильнейшего, — никогда бы не рискнул начать эту войну. Если позволить ему извлечь хотя бы малейшую выгоду из этой, придется готовиться к следующей.

Нельзя не радоваться перемене в настроениях Макрона и Шольца, которые, как стало очевидно во время их визита в Киев, наконец-то поняли, что нельзя продолжать отказывать Украине в получении статуса кандидата на вступление в Евросоюз. Между тем их иллюзии или же ложные надежды в отношении Путина отмирают с трудом. Вот уже несколько десятков лет часть Европы, и в первую очередь Германия, полагается в вопросах энергобезопасности на Россию, в то же время прекраснодушно игнорируя предостережения климатологов и отказываясь совершить энергетический поворот. Какая напрасная трата времени и какая удача для Москвы!

С начала войны экспорт нефти и газа принес России уже 93 миллиарда евро, большую часть которых она получила от Евросоюза. Это в два с половиной раза больше 37 миллиардов евро, которые США обещали Украине. Теперь же мы плачемся, что бензин стоит больше двух евро, и начинаем искать выход из этого положения. Это возмутительно и позорно. В Украине тоже дорогой бензин, а на заправках бесконечные очереди. Но никто не жалуется. Украинцы хотят не дешевый бензин, а оружие и боеприпасы, чтобы отразить нападение оккупантов, освободить свои города и вернуть утраченные территории. И они правы.

Вторгшись в Украину, Путин перевернул порядок, установленный в мире после 1945-го, — надеяться, что его осколки можно склеить, наивно. Если Путин и его приспешники все время показывают миру свой оскал и это их обычный стиль вести дела, то за закрытыми дверями они внимательно следят за реальным балансом сил и хладнокровно рассчитывают возможные последствия.

Когда украинцы, благодаря своему ожесточенному сопротивлению, остановили наступление России на Киев, Путин оттянул свои войска, позволив миру увидеть чудовищные вещи, которые его «освободительная» армия сотворила с мирными жителями в Буче, Ирпене, Мотыжине и других населенных пунктах. Когда благодаря отпору Николаева наступление на Одессу со стороны Крыма было остановлено, Путин был вынужден временно отказаться от своих амбиций захватить знаменитый порт.

Теперь же, осознав наконец слабость своей плохо обученной и насквозь коррумпированной армии по сравнению со сверхмотивированными и вооруженными наконец Западом войсками Украины, он сосредоточил все свои силы в Донбассе, применяя авиацию и тяжелую артиллерию, чтобы сравнивать с землей город за городом — единственный способ вести войну, который ему остается. И здесь тоже он, безусловно, должен быть остановлен и отброшен назад. Обещания Америки и Великобритании поставить ракет-

ные установки дальнего действия, чтобы уравновесить силы, — это первый шаг в правильном направлении. Но этого мало.

Путин — человек, который в XXI веке ведет войну XX века для достижения целей XIX века. Для него, сравнивающего себя теперь с Петром Великим, аннексия Украины — вопрос экзистенциальный, который не имеет ничего общего с его претензиями к НАТО. Украина не должна быть, и все тут. И нет никаких уступок, дипломатических ходов или «разумного» компромисса, которые мы могли бы ему предложить, чтобы воспрепятствовать реализации его амбиций, чтобы сохранить территориальную, политическую и экономическую целостность Украины, не говоря уже о ее европейском будущем. Потребовать от украинцев прекратить военные действия и перейти к очередным минским переговорам — означает подготовить почву для повторного вторжения в Украину через несколько лет, когда Путин восстановит свою армию и пополнит запасы людей, оружия и боеприпасы. И если он к этому времени умрет, но его режим сохранится, то его преемник сделает то же самое.

9 мая в Страсбурге Эммануэль Макрон в контексте возможных переговоров с Россией сослался на Версальский договор, унижительность которого для Германии в 1918-м «разрушила пути к миру». Что касается Веймарской республики, этого прекрасного демократического эксперимента, то это чистая правда; но Макрон, по всей видимости, совершенно не понимает исторического момента, в котором мы сейчас находимся. Если у Москвы и был 1918 год, то случился он в 1991-м. С тех пор, так же как в Германии 1930-х после распада Веймара, в России прочно установилась власть фашистская, реваншистская и вдобавок абсолютно коррумпированная, которая уничтожила гражданское общество и его животворные силы, захватила для своего собственного обогащения всю экономику и отвергла демократический мир и порядок, лежащий в основе нашей общей безопасности и мирной жизни.

Сейчас не 1918 год, а 1939-й. И, как и в случае с гитлеровским Третьим рейхом, в какой-то момент на пути к миру потребуется тотальное уничтожение режима Путина, который, что бы ни думал «коллективный Запад», не является для России имманентным. Только свободная, демократическая Россия, управляемая гражданами, а не мафиозной кликой, опьяненной мессианскими идеями, сможет вернуться в ансамбль наций и стать полноправным членом международного сообщества, как это в конце концов удалось Германии и Японии после 1945-го.

Для Польши, стран Балтии и Центральной Европы это очевидность, о которой они кричат изо всех сил; американцы, судя по всему, это наконец осознали, и теперь они работают над этим совместно с британцами; даже финны и шведы, в одночасье отказавшись от 80-летнего нейтралитета, стали искать защиты у НАТО, видя в нем свою единственную гарантию против нарастающего безумия российского режима.

И, напротив, в Западной Европе наши лидеры по-прежнему скованы своими мифами, интеллектуальной ленью и моральной слабостью, обусловленными слишком длительным миром. Они как будто бы все время склоняются к компромиссу. Нередко компромисс действительно необходим; но в нынешней ситуации это будет означать крушение европейских идеалов и лишь подольет масла в огонь путинских амбиций. Только безоговорочное поражение российских военных сил в Украине может вернуть подобие безопасности на континенте. И только при условии такого безоговорочного поражения станет возможно вести диалог с Россией и достичь сколько-нибудь надежных договоренностей. Без неоспоримой и безусловной победы Украины любая дипломатия будет либо болтовней, либо капитуляцией.

«Россию унижать нельзя». На протяжении последних 20 лет чем больше мы расстилаемся перед Россией, чтобы пойти ей навстречу или даже пощадить ее, тем больше Путин кричит, что его унижают, между тем как для него самого унижение собеседников — это целое искусство. Поразительно то, что мы продолжаем играть в его игры. В действительности же Путин унижает себя сам. Тем, что претендует на место в рядах сильных мира сего, но не уважает элементарнейших правил. Тем, что не ставит ни в грош и нарушает права человека, когда ему это на руку, в Чечне, Грузии, Сирии и теперь Украине. И тем, что он развязал войну, имея армию жалкую, нелепую, архаичную, которую грабят и морят голодом собственные генералы.

Если он действительно обижен на нас за это и обижен смертельно, нам следует не принести ему извинения, но преподать хороший урок и поставить на место, которое он заслуживает. На место, которое он избрал сам.

Джонатан Литтелл

Что такое Украина?

Репортаж писателя Джонатана Литтелла. Он съездил в Бучу и другие города под Киевом — и своими глазами увидел последствия российской оккупации

09:37, 12 августа 2022

Источник: Meduza

<https://meduza.io/feature/2022/08/12/что-такое-ukraina>

Джонатан Литтелл — американско-французский писатель, автор исторического бестселлера «Благовоительницы» о Второй мировой на Восточном фронте, написанного от лица офицера СС. Ради этой книги Литтелл провел несколько лет в архивах и библиотеках Германии, Украины, России и Польши. До этого он был сотрудником гуманитарной миссии в Чечне и Ингушетии во время чеченских войн. Литтелл хорошо говорит по-русски, а с начала российского вторжения постоянно публикуется на «Медузе». С любезного разрешения автора мы представляем вам русскую версию репортажа Джонатана Литтелла для французской газеты Le Monde о его поездке в Украину в мае 2022 года, через месяц после отступления российских войск из-под Киева. В этой командировке его сопровождал фотограф агентства Magnum Photos Антуан д'Агата, чьи снимки вы также можете увидеть в этом материале.

Джонатан Литтелл

Francesca Mantovani / Gallimard

От редакции «Медузы». По просьбе автора мы сохранили написание украиноязычных имен, у которых есть аналоги в русском языке. Некоторые снимки в этом материале содержат сцены жестокости и гибели людей, однако они **не помещены** под специальную плашку, которой обычно редакция скрывает подобные изображения. Именно так выглядит война.

Раньше из Парижа до Киева можно было добраться за три часа — теперь на это может потребоваться три с половиной дня. Самолет до Варшавы, потом машина до Львова и наконец ночной поезд: путешествие как в старые добрые времена, когда успеваешь рассмотреть сменяющие друг друга пейзажи. Это дает наглядное представление о расстояниях и разрушениях, которые принесла война, даже вдали от фронта.

Последний раз я ездил в Киев, чтобы отпраздновать Новый год с друзьями. Ксюша Палфи затащила нас в «Вогник» («Огонек»), новый модный клуб, в котором она в ту ночь диджеила. Беглый ковид-контроль на входе, бескрайние подвальные помещения, шикарно одетые, гламурные посетители, море алкоголя. К пяти утра мы отправились в ее новую квартиру, прямо позади Крещатика. За выпивкой неизбежно поднялась тема слухов о войне. Тонкая, хрупкая Ксюша пришла в ярость: «Ну нет! Я пять месяцев ждала, чтобы получить мою икеевскую кухню. Пять месяцев! Если сейчас эти русские козлы припрутся сюда и ее разворотят, то, клянусь, я возьму „Стингер“ и грохну их прямо с балкона!» Все засмеялись.

Не прошло и двух месяцев, как Ксюше с ее возлюбленным и котом пришлось бежать в Ужгород, на словацкую границу. Оттуда она отправила мне в ватсапе видео, в котором она вместе с десятком других женщин на рынке укладывала в ящики коктейли Молотова. Мы снова рассмеялись, но было уже не до смеха.

В мае из-за дефицита бензина машин на улицах Киева было мало. Но с тех пор, как в конце марта российские силы отступили и осада города была снята, рестораны открылись вновь, а в супермаркетах все есть. Банкоматы работают, метро и автобусы снова ходят, такси приезжает по вызову. Вечером на Крещатике множество гуляющих, хипстеры наводняют район Золотых ворот как раньше. И никто не удивляется при виде молодого солдата, держащегося очень прямо в своем бронежилете, с калашниковым через плечо, который несется по улице на арендованном самокате.

Раз или два в день поднимается воздушная тревога, но никому до этого нет дела, несмотря на то что каждые три недели бывает по несколько ракетных ударов. Да, рестораны закрываются на время аперитива, а комендантский час ограничивает общественную жизнь после 11 вечера. Но никто не жалуется, тем более что ситуация меняется на глазах. 21 мая «Вогник» открылся снова, и Ксюша, вернувшаяся по такому случаю из Ужгорода, была гвоздем программы (меня, увы, уже не было в городе).

Киев продолжает готовиться к возвращению россиян, чего многие ожидают следующей зимой. Главные артерии города и мосты через Днепр перекрыты укрепленными блокпостами с бетонными лабиринтами, через которые может проехать только одна машина за раз. На обочине наготове стоят сломанные грузовики, которые можно в любой момент развернуть поперек, чтобы заблокировать дорогу. На всех важных перекрестках, у промышленных комплексов, по периметру парков — спаянные из чего попало противотанковые ежи, бункеры, прикрытые самодельной маскировочной сеткой, длинные траншеи, вырытые самими жителями районов.

Пресс-атташе армии, Оксана, проводит для нас экскурсию по позициям территориальной обороны (ТО), расположенным в лесу вдоль длинной дороги. 30–40-летние парни — все добровольцы; многие, вдобавок к основному снаряжению, предоставляемому армией, сами приобрели в интернете прицелы, очки ночного видения или глушители. Только двое из них, Роман и Олександр, ветераны войны в Донбассе: они тренируют остальных — новичков. Олексий, к примеру, сварщик, который вступил в ТО 25 февраля; Саша, проживший семь лет в Дубае, где он работал иммиграционным консультантом, вернулся, чтобы записаться в армию добровольцем.

Волонтеры из территориальной обороны патрулируют лесополосу на окраине Киева. Май 2022 года
Antoine d'Agata / Magnum

Сама Оксана тоже ветеран: она была контужена под Луганском в 2015 году и больше ничего не видит ночью, и почти ничего — вечером. Но даже в униформе она продолжает кокетничать: «Я так люблю платья! — сообщает она мне, едва фотограф Антуан д'Агата сделал ее портрет. — Длинные платья. Когда есть возможность, я возвращаюсь к себе, смотрю на последнее, которое я купила как раз перед войной, и плачу».

Дорога, которую они охраняют, идет из Ирпеня, минуя небольшой квартал по эту сторону одноименной реки, через который мирные жители в ужасе бежали в течение всего марта. Места эти узнаются по фотографиям, растиражированным прессой: церковь с позолоченными куполами, изрешеченная осколками, или помпезный памятник погибшим в 1941–1945 годах, у которого 3 марта случайный минометный снаряд убил женщину с ее двумя детьми и помогавшего им молодого волонтера. Я смотрю с тротуара на проезжающие автомобили и напрасно ищу следы снарядов на асфальте, а перед глазами у меня все время — известная фотография Линси Аддарио в The New York Times: четыре трупа в ряд лежат между своими чемоданами на колесиках и клеткой маленькой собачки, уцелевшей под градом шрапнели и отчаянно лающей на камеру.

Чуть дальше находится большой разрушенный мост с импровизированными пешеходными мостками вровень с водой, по которым беженцы переправлялись на другой берег; там же все еще лежит перевернутый в начале марта белый фургон, теперь облепленный патриотическими картинками и плакатами. На самом мосту на месте затора, образовавшегося из брошенных машин, расположился блокпост и строительная техника. Под ним объездная дорога вдоль реки уже заасфальтирована.

В Ирпене почти на всех домах следы проходивших здесь ожесточенных боев, когда городок превратился в ничейную землю между рекой, удерживаемой украинскими силами, и Бучей, оккупированной россиянами. Убогая архитектура этих окраин придает разрушениям особенно удручающий вид; теплоизоляционные плиты из пенопласта, приклеенные к фасадам частных домов и небольших строений и спрятанные под слоем штукатурки, теперь сорваны, разбросаны и обуглены взрывами. Остались голые почерневшие стены в комочках строительной пены, на которых эти плиты держались.

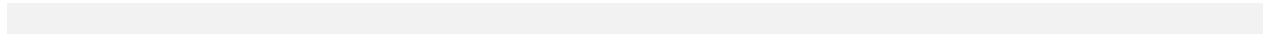

Остолы жилых многостолежол в Киевской облостол, разрушенных российскими обстрелами. Май 2022 года
Antoine d'Agata / Magnum

Затем Буча. Раньше это был тихий пригород с населением 37 тысяч человек, окруженный большими лесами, неподалеку от киевского «моря» — огромного водохранилища, созданного в 1960-х годах. В маленьком городе, перерезанном пополам железной дорогой, есть свой фешенебельный район, в котором роскошные дачи, гостиницы, хозяйственные магазины и рестораны, несколько «частных секторов» с небольшими домиками, населенными в основном пенсионерами, группы советских зданий, а также обширные новостройки для привлечения молодых горожан, которым не хватает свежего воздуха и зелени.

Через пять недель после российского отступления в городе стали лихорадочно наводить порядок: остовы уничтоженных бронемашин исчезли, улицы в выбоинах от попаданий снарядов заасфальтировали заново, братские могилы и захоронения в садах опустели. На Вокзальной улице, где украинская артиллерия в начале марта уничтожила российскую колонну, снова чистота и порядок; на ее пересечении с улицей Яблунской, где во время освобождения города обнаружили несколько трупов со связанными сзади руками, муниципальные рабочие заново красят «зебры». Семьи гуляют со своими собаками, мужчины на спортивных велосипедах ездят посреди руин, с которыми плохо сочетаются их обтягивающие флуоресцентные костюмы и маленькие каски.

Кое-кто, как Мика Скорик-Шкари夫ска, заместительница мэра Бучи, сохраняет чувство юмора. Когда я задаю ей вопросы у дверей офиса мэрии, сорванных с петель и прислоненных к стенам, она улыбается: «Русские делают все, чтобы приблизить нас к Европе. Теперь благодаря им мы работаем в open space». Но разрушенные дома, следы от попаданий бомб на зданиях и обширный, совсем новый сектор на кладбище с сотнями свежих могил, украшенных аляповатыми пластиковыми венками, по-прежнему свидетельствуют о насилии, которое здесь произошло, об опустошении, которое мы видим теперь. Как и рассказы об этом.

Жительница Бучи перед своим домом. В подвале соседнего дома российские солдаты изнасиловали и убили другую женщину
Antoine d'Agata / Magnum

«Надоело уже с журналистами разговаривать!» — бросает мне женщина с порога своего сада. Но другие встречают нас теплее. На Вокзальной, немного позади домов, превратившихся в пыль во время бомбардировки колонны, 66-летний господин, Владимир Иванович, приглашает нас зайти к нему во двор и представляет нам своего племянника Вячеслава, пришедшего помочь с ремонтом. У него располагались российские солдаты, которые в саду за домом установили крупнокалиберный миномет.

Внутри дома абсолютный хаос: все перевернуто вверх дном, разворочено, сломано, все новые вещи украдены. Когда в начале марта город был захвачен, Владимир сразу же схоронился в своем погребе, а затем поспешил укрыться со своей женой в подвале ближайшей школы; 12 марта они были эвакуированы Красным Крестом. В его отсутствие, со слов соседей, которые остались, расположившиеся у него солдаты приводили девушек, и посреди оставленного ими бардака он обнаружил множество использованных презервативов и пустых бутылок из-под алкоголя, а также два колье, дешевую бижутерию, которые по-прежнему висят на ржавом столбе.

Еще в погребе оказалась мертвая женщина. Вячеслав как раз и обнаружил труп, когда после освобождения города пришел осмотреть дом. «Она была голая, — степенно рассказывает он, — лежала навзничь, голова разmozжена, ноги и живот изрезаны ножом. На ней были только шуба и шлепанцы, и она смотрела куда-то вверх. Это оказалась местная девушка, которая жила в Киеве, но вернулась помогать бабушке. Они использовали ее как игрушку, а затем, когда уходили, выпустили ей три пули в лицо. Полиция нашла две, я после нашел третью». Он показывает мне ее — длинную тонкую пулю.

Погреб совсем маленький, с кирпичными стенами и небольшим стеллажом с баночками консервированных ягод и помидоров; посередине утрамбованного земляного пола маленькая лужица чего-то гниющего, кишашего личинками: сложно понять, это остатки пищи или этой бедной девушки. С тех пор ее идентифицировали, но закон запрещает прокурору разглашать ее имя. Ее фотографию я уже тоже видел в прессе: тело, наполовину спрятанное под шубой и лежащее у входа в погреб. Совсем другое дело, когда ты видишь эти места собственными глазами, ясно представляется ход событий; солдатня ходит туда-сюда между своим минометом и разграбленным домом, пьет, скучает, приводит девушек, насилует их, затем решает оставить себе одну. Остальное невозможно себе вообразить — мысли этой молодой женщины в течение этих нескончаемых дней, ее ужас, боль, страдания.

Бывший пионерлагерь в Буче, в которых российские военные пытали и расстреляли пятерых местных волонтеров. Их тела были обнаружены после отступления оккупантов
Antoine d'Agata / Magnum

Теперь весь мир знает о том, что случилось в Буче. Весь мир видел фотографии огромной братской могилы, раскопанной волонтерами за красивой церковью святого апостола Андрея Первозванного. Все журналы опубликовали свои расследования о совершенных преступлениях, нередко с разбором деталей происшедшего на каждой улице: восемь гражданских волонтеров застрелены у российской базы, располагавшейся на улице Яблунской, 144; двое служащих, один из которых был обезглавлен, найдены возле заброшенных железнодорожных путей; пожилой мужчина убит пулей, когда он ехал на велосипеде. По словам Андрия Небытова, начальника полиции Киевской области, только в этом районе на середину июля было 1347 погибших; больше половины из них получили пулю при попытке бегства из города или же были хладнокровно расстреляны. Всюду следователи составляют досье для будущих судебных процессов над военными преступниками. Но ни у кого это не укладывается в голове, и менее всего у жителей Бучи. Они напрасно пытаются осмыслить не только причины, но и сами факты, суть.

Я получил этому наглядное подтверждение, беседуя во время прогулки с молодым человеком по имени Вадим Евдокименко. Я встретил его на автобусной остановке на Яблунской, у его разбомбленного и частично сгоревшего дома. Вадим, которому всего 20, очень симпатичный парень с ангелоподобным лицом. Он работает парикмахером и говорит очень быстро, нервно, но чрезвычайно отчетливо. Он на ходу перечисляет погибших в своем окружении, в том числе свою 23-летнюю клиентку, которая была изнасилована и убита. Отец нашел ее тело в морге, с руками, очевидно, сломанными при попытке сопротивления.

Вадим показывает мне свой район — железнодорожную станцию, начальную школу, кирпичные здания 1960-х годов, построенные для рабочих расположенного внизу стекольного завода. Здесь тихие улицы, небольшие магазинчики и спокойные соседи. Наконец по грунтовой дороге, выходящей между железнодорожными путями и заросшей травой спортивной площадкой, в десяти минутах от его дома, мы приходим к маленьким гаражам из листового металла, которые так характерны для бывшего СССР. Вадим останавливается у сгоревшего до основания гаража с рухнувшей крышей и дырявого как решето: «Тут пряталось пять человек. Когда русские пришли, они отказались открыть. Русские бросили гранату, гараж долго горел. Среди них был мой отец». Он показывает мне на своем смартфоне фотографии, благодаря которым его опознали: часть бедра в том, что осталось от джинсов, четыре банковские карты, удостоверение личности авиационного завода «Антонов» и ботинок.

Мало-помалу мне удается реконструировать произошедшее. Русские вошли в Бучу 27 февраля и окружили квартал Вадима 1 марта; 3-го его отец, Олексий, вышел поискать дров у остановки, после чего вернулся в свой гараж; около 16:00 он в последний раз позвонил жене. Потом связь пропала, и Вадим с матерью больше не получали от него вестей. 8 марта они покинули город по «зеленому коридору», пройдя через поле под прицелом российских снайперов к эвакуационным автобусам. Все это время они думали, что Олексий, должно быть, где-то прячется и не может с ними связаться и что они найдут его позже.

Но 10 марта, когда они уже находились на западе страны, им позвонил друг отца и сообщил, что Олексий пропал в первый же день: «Он вышел из гаража за сигаретами, и его друг больше его не видел. Он, наверно, там застрял и спрятался с этими людьми. Не знаю, кто они были». В этот момент к нам подходит мужчина с резкими чертами лица и спрашивает, что мы тут делаем. Вадим объясняет, а мужчина, которого зовут Анатолий, качает головой: «Твой отец погиб не тут, это точно». Оторопевший Вадим стал возражать: «Но следователи сказали мне, что это произошло здесь!» — «Нет-нет.

Я 40 лет живу в этом квартале, я всех тут знаю. Я лучше знаю, чем следователи, что здесь случилось». — «Вы знали моего отца?» — «Алешу? Разумеется. Пошли».

Анатолий увлекает нас вглубь, по тропинке между грудями обломков и металлических контейнеров для мусора, в самый конец гаражей, где он показывает нам еще один обугленный гараж. «Твой отец погиб здесь. Там еще были женщина, двое детей и какой-то мужчина. Вон там впереди стоял припаркованный танк». В маленьком гараже все почернело, обуглилось, я различаю велосипед, плиту, стиральную машину и разбросанные в грудях обломков елочные шары. Вадим на взводе, растерян, но сохраняет самообладание. «Вы видели? Никто ведь не знает наверняка, где это случилось. Придется снова идти к следователям. На самом деле, — добавляет он, — в полиции мне ничего не сказали. Я начал искать сам. В морге мне пришлось умолять, чтобы получить фотографии».

Сгоревший гараж в Буче
Antoine d'Agata / Magnum

Подходит еще один мужчина. «Там было шесть трупов. Пять наверху и один внизу, в яме. Некоторых, возможно, убили снаружи, затем бросили внутрь». Между двумя рабочими, к которым немедленно присоединяются другие прохожие, завязывается длинная дискуссия о том, кто, где, как и когда был убит. Мужчина на велосипеде останавливается рядом с ними: «Хотел бы я знать, как это было! Этот гараж горел три дня, его невозможно было открыть, мы бы задохнулись». Ни у кого нет единого мнения, они перебивают друг друга, рассказывая друг другу разные ужасы оживленными, однако спокойными голосами, на смеси русского и украинского, и я перестаю их ясно понимать. Они пытаются реконструировать события, восстановить хронологию, прийти к консенсусу — сообщество, которое коллективно работает со своим непониманием и горем.

Буча стала символом. Но то, что произошло там, в той или иной мере имело место во всех деревнях, оккупированных россиянами в окрестностях Киева. Возьмем навскидку один из эпизодов, о которых я узнал. В конце мая полиция приглашает меня поприсутствовать на эксгумации в Макаровский район, примерно в 45 километрах на восток от Киева. Полицейские приводят нас в деревушку под названием Вышеград. В большом сосновом лесу мы обнаруживаем заброшенную российскую базу: бункеры, траншеи, следы саперных работ для защиты бронемашин или артиллерийских орудий.

К нашему приходу двое рабочих, окруженные полицейскими, экспертами и журналистами уже наполовину выкопали труп и теперь с трудом вытаскивают его из ямы. Оттуда идет резкий запах, мужчины стараются изо всех сил и, тяжело дыша, матерятся. Ноги трупа, стоящего в яме почти вертикально, увязли в песке, его голова трясется, а когда одежда натягивается, приоткрываются части его тела — зеленые, красные, розовые.

«Пошел?» — «Пошел?» Наконец им удастся вытащить труп наверх и положить на траву, и мы можем разглядеть его лицо, присыпанное землей и как бы оплавившееся. Полицейские и журналисты обступают его, чтобы сфотографировать; следовательница в униформе и бронежилете составляет рапорт, ее коллега производит измерения тела. Прокурор показывает мне найденные на нем позеленевшие и дурно пахнущие документы: они принадлежат Кислицкому Сергию Ивановичу 1983 года рождения. Начальник полиции стоит поодаль и дает интервью: это уже шестой труп, который они нашли на этой базе, четыре с пулей в голове, пятый с повреждениями внутренних органов. Этот был найден охранником этого места, который зондировал палкой кучи песка. Все ушли снимать или слушать чиновника, труп же остается лежать в одиночестве, всеми брошенный и почти позабытый.

В некоторых из этих самодельных могил в Киевской области оккупанты закопали тела убитых ими мирных жителей
Antoine d'Agata / Magnum

Наконец мы уезжаем. Из леса к шоссе ведет грунтовая тропинка, перегороженная деревянными воротами, которые полиция оставила открытыми. С другой стороны ворот приближается мужчина и делает мне знак, чтобы я остановился. Я опускаю окно, и он наклоняется ко мне: «Парень, которого нашли, кто был? Вы не знаете?» Я открываю свой блокнот и показываю ему имя. «***** [блин], это Сережа. А Стас? Стаса нашли?» — «Нет, там был только один».

Мужчина с зачесанными вперед волосами, короткой седой бородой без усов и ярко-голубыми глазами напряжен и явно на взводе. Кислицкий и Стас, объясняет он нам, работали разнорабочими в большой усадьбе на другой стороне шоссе; Роман, ее владелец, все время звонит, чтобы узнать, что с ними случилось. Самого мужчину зовут Дмитро. Я уточняю, что полиция не уверена, что документы действительно принадлежат трупу, нужно сделать экспертизу ДНК, чтобы это подтвердить. «Сережа был сирота, у него не было семьи, они не найдут никого, с кем можно будет сравнить. У вас есть фотографии?» Мы показываем ему те, что сделал Антуан, на обратной стороне фотоаппарата; он делает снимок маленького экрана на свой телефон и отправляет Роману в ватсапе. Затем звонит.

Но Роман отвечает отрицательно, это, мол, точно не одежда Кислицкого. Возникает долгая дискуссия о зубах пропавшего человека, которые Дмитро пытается сравнить с теми, что едва видны на фотографиях трупа. К нам присоединяется пожилая дама, Ирина, соседка, и они обсуждают, когда они в последний раз видели Кислицкого и Стаса: «Я-то, это было второго [марта], — утверждает Ирина. — После я больше никого из них не видела». — «А я, это, наверно, было четвертого. В день, когда орки (*так называют российских солдат многие украинцы, — прим. автора*) пришли. Они разместили у меня снайпера».

Дмитро указывает назад, туда, где на повороте шоссе стоит большой недостроенный двухэтажный дом из голых шлакоблоков, в котором он пока не живет. «Мы были в машине со моим другом Сергием Богданом. И Сергей мне говорит: „Подожди пять минут, я сейчас вернусь, пойду посмотрю, стоит ли еще танк“. Они поймали его у кладбища и застрелили. А я собрал других людей, и мы эвакуировались в соседнюю деревню, которую они не оккупировали. Перед уходом мы собрали всех раненых вон в том доме. Их было, наверное, человек 25, мужчины, женщины, молодые ребята. Русские угнали раненую женщину и ее ребенка в Беларусь, но Красному Кресту удалось вывезти их в Германию. Ее мужа застрелили на улице, он просто вышел из дому и — бам!» — «Снайпер, который разместился у вас?» — «Не знаю. Вот дядя Вова точно на его совести». «Мой племянник, — вставляет Ирина, — Владимир Можарчук. Две пули, одна в живот, другая в руку. Он выжил, я отвез его в больницу, но он до сих пор не может ходить».

Дмитро показывает мне на дома позади своего собственного: «Вон тот с красной крышей — это дом доктора Винничука, Павла Васильевича, его снайпер убил, когда он вышел на дорогу. Тот с серой крышей, за ним, это Юрия Макеева. Ему было, наверно, лет 60. Может, 62. Они убили его в собственной постели, когда зашли к нему чем-нибудь пожить». Ирина начинает плакать: «Разрушили нам жизнь навсегда. Всю нашу жизнь».

Братская могила, вырытая наемниками из ЧВК Вагнера в лесу под селом Мотыжин Киевской области. В ней они хотели закопать тела 70 человек из местных жителей, которых они собирались расстрелять по списку как якобы бойцов территориальной обороны. Привести свой план в действие вагнеровцы не успели по причине отступления российских войск. В могиле нашли четыре тела: старосты Мотыжина Ольги Сухенко, ее мужа и сына, а также местного волонтера
Antoine d'Agata / Magnum

Дмитро и его жена с целым выводком котят, родившихся во время оккупации, показывают нам строящийся дом изнутри: там остались разбросанные матрасы, множество российских пайков, граффити; полиция собрала все патроны под крышей, где сидел снайпер. Передний угол дома взорван попаданием ракеты или снаряда. «Украинским или русским?» Дмитро улыбается и показывает мне на своем смартфоне скриншот Google Maps со своим домом в желтом кружке. «Когда они захватили мой дом, я отправил координаты нашим, чтобы они разбомбили их. Они надо мной смеялись, повторяя: „Ну и мужик! Хочет, чтобы мы разрушили его дом!“» — «Получилось?» — «Когда мы вернулись, в доме было полно окровавленных бинтов. Так что, вероятно, да. А остальное не так уж важно, восстановим».

Попытки объяснить эту резню ведут к одному подразделению, награжденному после отступления из-под Киева лично Владимиром Путиным, — 64-й отдельной мотострелковой бригаде (ОМСБр). Это подразделение базируется под Хабаровском и в основном укомплектовано из самых бедных слоев населения этого обширного региона: этнических русских и различных сибирских меньшинств, родственников монголам; тех, кого местные жители, обобщая, называют «буряты».

Однако здесь роль играет не этническая, а социальная принадлежность: помимо обычной идеологической ненависти к так называемым украинским «нацистам», оккупанты Киевской области так ожесточились из-за классового ресентимента. Мэр Бучи Анатолий Федорук пересказал мне слова одного российского солдата, который звонил матери или жене: «Представляешь себе? У них дома есть горячая вода, керамические унитазы!» У них не укладывалось в голове, что улицы деревень заасфальтированы. На видео, опубликованном в сети, видно, как российский солдат открывает холодильник с восклицанием: «Ого, „Нутелла“! Ничего себе, ***** [блин]».

Фраза, которую повторяют местные жители и которую я слышал несколько раз, резюмирует это умонастроение: «А кто вам разрешил жить так хорошо?» Отсюда массовое мародерство, тысячи компьютеров, телевизоров, велосипедов и бытовой техники, вывезенных в Беларусь на армейских грузовиках, а затем отправленных в Россию по почте, о чем свидетельствуют многочисленные попавшие в Интернет видеозаписи с камер наблюдения. Российский журналист Александр Невзоров написал в своем телеграме: «Дикое мародерство путинских орков становится одним из главных мотивов этой войны. [Никто] ничем больше не в состоянии оплатить... тяготы и ужас бессмысленной войны, постоянный страх увечий и смерти. По этой причине не возбуждаются дела и даже не звучат выговоры. Любой украинский городок или поселок по умолчанию рассматриваются как объект коллективного грабежа».

Обломки взорвавшейся машины, намотанные на дерево в лесу под Бучей
Antoine d'Agata / Magnum

Как-то вечером в Киеве мой новый знакомый Олександр рассказывает мне, как 3 апреля в сотне метров от огромного разрушенного «Мегамарта» в Буче он обнаружил труп бурята с 30 тубиками «Сенсодина» в карманах. «Представляешь! Это бурят проделал три тысячи километров, чтобы украсть здесь зубную пасту и умереть на наших тротуарах. Можешь себе представить?»

Над руинами городов и деревень, кладбищами со множеством свежих могил, днями миллионов людей, которые пытаются выжить и сражаются в этой бессмысленной войне, витает вопрос: что такое Украина? Что значит — быть украинцем? Вопрос отнюдь не отвлеченный, а, напротив, вопрос жизни и смерти на земле, оккупированной страной, которая отказывает вам в праве на существование. «Кто сказал, что через два года Украина вообще будет существовать на карте мира», — написал 15 июня в телеграмме бывший президент России Дмитрий Медведев. Путин незадолго до вторжения настаивал на том, что Украина — это не что иное, как территориальный «подарок» от Ленина крестьянам, лишенным национальности, и что украинцы, или «малороссы», как их называли в царское время, это были просто русские, говорившие на диалекте, или в лучшем случае «братский народ», по старой большевистской формуле, которую без малейшей критической дистанции принимает даже Эммануэль Макрон.

Нужно сказать, что с тех пор, как Украина получила независимость, быть украинцем действительно не слишком просто. Через эту страну проходят глубокие культурно-исторические трещины: не только между Востоком и Западом или говорящими по-русски и по-украински (два водораздела, которые вопреки распространенному мнению, отнюдь не совпадают), но также между югом и остальной страной, между Одессой и остальным югом, между сельскими и городскими жителями, между образованными и теми, кто образования не получил. А еще есть местные этнические меньшинства — венгры, румыны, болгары, понтийские греки, крымские татары, цыгане, евреи — и меньшинства, поселившиеся здесь во времена СССР, прежде чем стать украинцами в 1991 году: русские, разумеется, а также азербайджанцы, армяне, узбеки и даже афганцы.

Само происхождение топонима «Украина» от славянского понятия «край» или «граница» определяет положение региона, столь долго раздираемого между империями. Последние прочертили основную линию разлома страны между, с одной стороны, областями, аннексированными в XVII веке русскими царями, — Донбассом, правобережьем Днепра, югом и Крымом — и с другой стороны, Галицией и предгорьями Карпат, принадлежавшими Австро-Венгерской монархии. После короткого периода общей независимости под именем Украинской народной республики (1917–1920) большевики оккупировали большую часть прежних царских территорий, а западные области были предоставлены Польской республике, созданной в Версале.

В результате восточные и центральные регионы в 1932–1933 годах пережили голод, устроенный Сталиным, чтобы подчинить украинское крестьянство. «Голодомор» унес по меньшей мере четыре миллиона человек. За ним последовал Большой террор с его чистками, истребившими политическую и научную украинскую элиту, а также польское меньшинство. Западные же области пережили польское господство и терроризм украинских националистов, а затем, в рамках раздела Польши между Гитлером и Сталиным в 1939 году, советскую оккупацию и череду массовых убийств и депортаций.

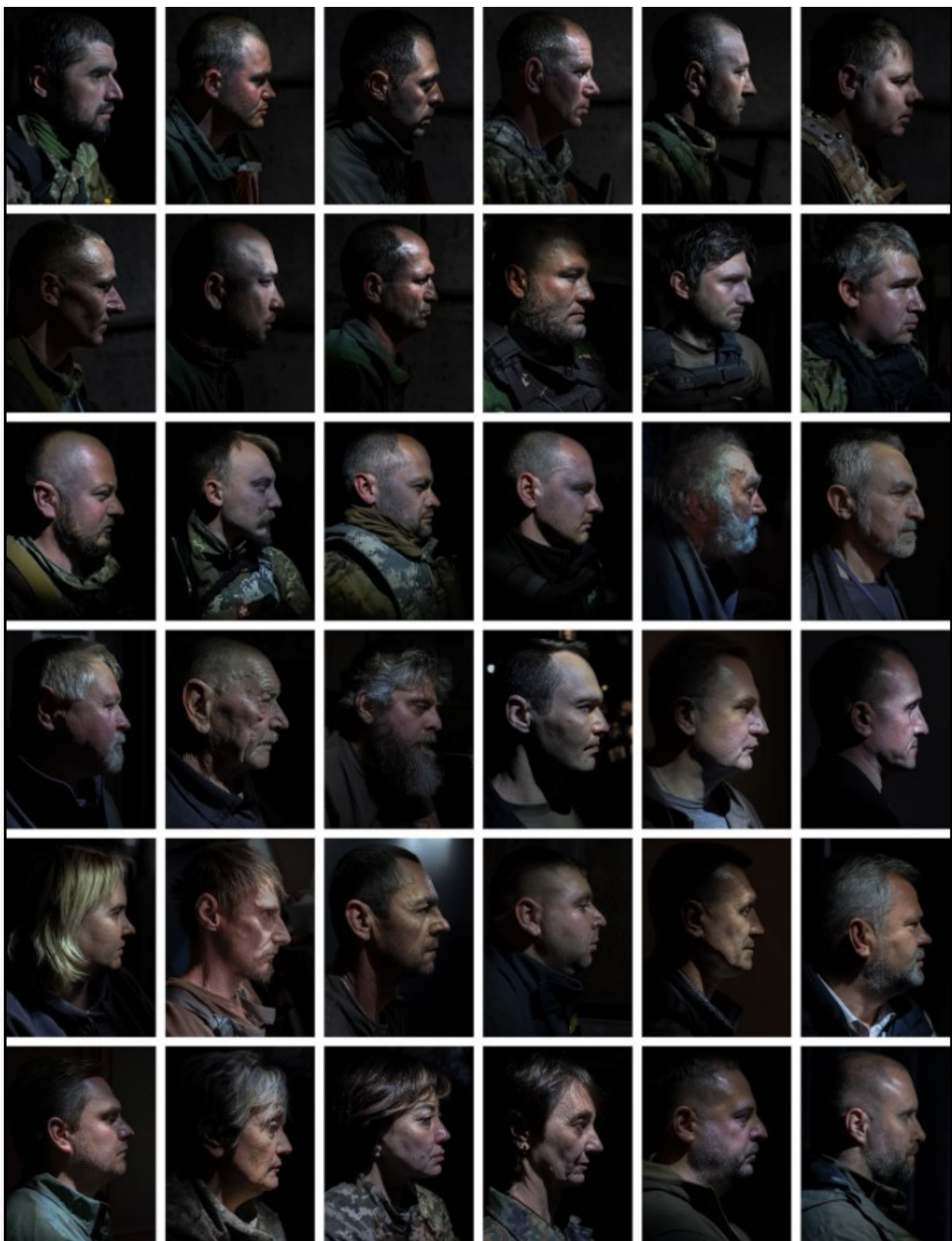
«Розочка» от взрыва гранаты
Antoine d'Agata / Magnum

Таким образом, из-за этого разделения в стране сохранилось два различных воспоминания о Второй мировой войне: жители востока восприняли ее через призму разрушений, принесенных нацистским вторжением, и сражений в составе Красной армии, а жители запада — через сопротивление советскому тоталитаризму. Это привело их сначала к сотрудничеству с немцами, участию в Холокосте и жестоким этническим чисткам польского населения, а затем — к годам партизанской войны, после того как СССР в 1944 году окончательно аннексировал Западную Украину.

Этот раскол засел глубоко в памяти и является причиной эссенциалистского отношения — часто без учета нюансов — к истории. Одни считают националистов УПА [Украинской повстанческой армии] фашистами, коллаборационистами и предателями, другие — героями, мужественно сражавшимися с советскими людоедами. Нынешняя война, во всяком случае, нивелирует эту напряженность, как однажды сказал мне бывший директор Украинского института национальной памяти (УИНП) Володимир Вятрович. «Теперь у всех украинцев есть общий опыт войны. И они сражаются не в иностранной армии, немецкой или Красной, они сражаются в украинской армии, своей армии».

Разумеется, единение, которое охватило всю страну 24 февраля, возникло не в одночасье. Незадолго до моего отъезда из Киева Антон Дробович, преемник Вятровича на посту главы УИНПа, объясняет мне следующее. Я был знаком с ним и до войны, но встретиться с ним было нелегко: с первого дня Дробович, молодой бородатый парень, одновременно энергичный и обходительный, пошел добровольцем в ТО и с тех пор, как простой солдат, копает окопы к востоку от города. Оттуда он иногда, когда его офицер предоставляет ему часок-другой, принимает участие в мероприятиях по зуму. У него мало времени, и он назначает мне встречу в дешевом ресторанчике на правом берегу, где мы разговариваем, пока он ест уху. «Многие, кто раньше говорили, что вопрос идентичности — это неважный вопрос, главное, чтобы было много денег, бензин дешевый и так далее, они сейчас поняли, что это важный вопрос. Потому что к нам пришли нас убивать из-за вопроса идентичности. Потому что Путин говорит: „Нет Украины, нет украинского народа, это наши ребята“. А тысяча человек очередь под военкоматом 24 февраля в Киеве, под бомбами, своим присутствием на этой улице говорили: „Нет, ребята, мы другие ребята. Мы не хуже и не лучше вас, мы просто другие, и вы не можете просто прийти к нам и сказать нам, что вас не существует, вы — это мы“. Во многом эта война показала, что все наши дискуссии об идентичности, они были вовремя».

В качестве примера Дробович приводит слова мэра Харькова Игоря Терехова: «Это человек советского восприятия. Я с Тереховым дискутировал на национальном телевидении много раз, такие жесткие у нас были дискуссии. И когда пришел русский сапог, и они начали стрелять по Харькову, Терехову же предлагали сдать город, ФСБ к нему ходила. И многие волновались, потому что он там за Жукова, за Московские, там, улицы и так далее всегда стоял горой. Но когда они начали обстреливать Харьков, он сказал: „Нет, ребята, вы вообще нам не друзья, не братья, и вообще никто, это независимая страна, независимая территория, мы вам Харьков не сдадим, и вообще мы — Украина“».

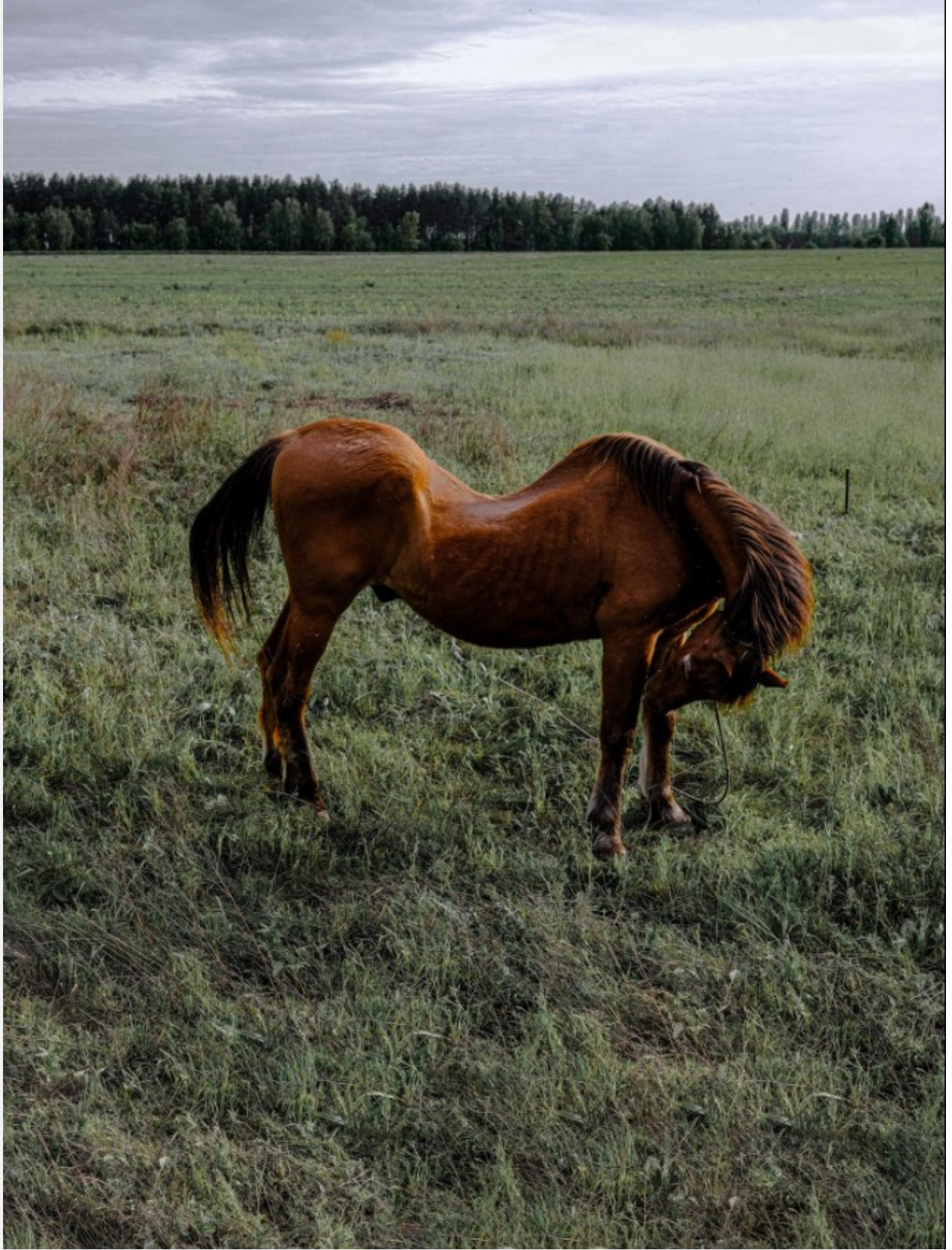
Портреты украинских мирных жителей, солдат и политиков
Antoine d'Agata / Magnum

Сразу после того, как в начале мая я пересек границу, я остановился во Львове у друзей, которые сбежали из Киева в конце февраля и изнывали в ожидании возможности вернуться. Дарина Солодова работает в ПРООН (Программа развития Организации Объединенных Наций), а Савелий Барашков — специалист по интернет-медиа. Но главным образом они левые активисты — из тех, кто апеллирует к добольшевистским традициям и яростно противостоит крайне правым националистам. Те, в свою очередь, были на пике на рубеже 2010-х годов, прежде чем оказаться на обочине из-за гораздо более широкого и инклюзивного национализма после революции на Майдане и начала войны в Донбассе. Молодые, горячие, Дарина и Савелий с жадностью стремятся найти объяснение внезапной перемене в окружающей жизни. «Самые странные люди были правы, — почти кричит Савелий, — самые глупые люди. Их считали придурками. Они не перестали быть придурками, но они были правы». «А вот для националистов это простая ситуация, — добавляет Дарина. — Они были правы и знают об этом. Для леваков, как мы, это тяжело. Мы должны приспособиться к этой новой реальности». «Но заметьте, — подчеркивает Савелий, — это не националистическая война. Это национальная война».

«Придурки», о которых говорит Савелий, — это крайне правые националисты, пресловутые «нацисты», которых Путин использовал как предлог для оправдания своей «спецоперации». С тех пор об этом было много разговоров, особенно о знаменитом батальоне «Азов». Однажды в Киеве на террасе итальянского ресторана я встречаю другого довоенного знакомого, Дмитро Резниченко. Он не в духе; едва демобилизовавшись из ТО после отступления россиян, он был ранен в лицо соседом-шизофреником, а затем коррумпированный прокурор, который надеялся вытянуть из него деньги, отправил его на месяц в тюрьму.

Дмитро, которому еще нет и сорока, имеет все основания говорить о националистах: он сам бывший настоящий неонацист, который, пережив чудовищное окружение Иловайска в Донбассе в августе 2014 года, сделал ментальный разворот на 180 градусов и стал психологом и либеральным, антифашистским и ЛГБТ-активистом. Таким образом, он имел возможность непосредственно изучить, что составляет личность фашиста, и сделал удивительные выводы, основанные на его очень личном опыте.

«Знаешь, Джонатан, правда ведь в том, что мы вот тогда такие и были». Он подыскивает слова, стараясь поточнее донести свою мысль. «Для нас вот этот вот... Понимаешь... Когда у тебя есть некая идея, какое-то... не миропонимание, а мироощущение, его нужно облечь в какие-то формы идейные, какие-то слова, потому что на уровне ощущений его не передать. А если ты живешь в той стране, какая была, тебе негде взять материал для этой передачи, кроме как обернуться в прошлое и найти там эти символы, вроде красно-черного флага УПА. Других символов просто у тебя нет».

Antoine d'Agata / Magnum

Я показываю ему в телеграме фотографию бойца «Азова», с которым познакомился в прошлом году на ультраправом протесте. Его тело полностью покрыто татуировками с рунами и жуткими символами. «Причем самое интересное — это вот показать такого человека европейцам, они сразу поймут — криминальный элемент, скорее всего, бандит и, скорее всего, жесткий нацист, неонацист. Но когда я был ультраправым, почти у каждого ультраправого был какой-нибудь друг еврей, или друг черный, ну, то есть это было нормально. Мы как будто бы в это все игрались. Мы как будто бы были не настоящие фашисты, а нам очень хотелось выглядеть как настоящие фашисты. Я вообще не помню, чтоб тема антисемитизма вообще как-то возникала. Чтоб она была всерьез, кем-то поднималась. Кроме как какими-то полусумасшедшими людьми, которых мы особо и не воспринимали. Я помню, что, наоборот, евреев скорее уважали. Но тем не менее свастики носили».

Он продолжает размышлять. «Я заметил, что сейчас происходит. Странная какая-то подмена, которой еще надо дать название. Русские ловят азовцев, фотографируют их татуировки и говорят: „Видите, вот вы говорите, в Украине нет фашизма“. Но татуировки — это еще не фашизм. Фашизм — это когда в стране запрещена оппозиция, нету свободы слова, когда разгоняются гей-парады, когда... Вот это вот фашизм. „Азов“ — это не фашизм, это субкультура, со знаками, которые не означают то, что они изображают. Вот прямо как Бодрийяр говорил: симулякр. Теперь русские готовят эти процессы [над бойцами „Азова“] так, чтобы казалось, что они борются с фашизмом. [Но фактически в Мариуполе] настоящие фашисты победили людей, которые хотят выглядеть как фашисты. Ну, это совершенно новый какой-то набор смыслов, который в старые понимания не влезит. Потому что по старому пониманию, русские — антифашисты, а „Азов“ — фашисты. Но по сути все наоборот. Нынешняя [российская] власть просто эстетику эту не взяла. Эстетика у них советская. Но риторика — нацистская».

По крайней мере, можно утверждать, что, в отличие от русских, у украинцев нет культа вождя. «Если бы русским удалось убить Зеленского, нам всем было бы очень грустно. Но это бы ничего не изменило, вообще ничего», — говорит молодая деятельница культуры Софья Челяк, с которой мы беседуем в прелестном дворике за чашкой эспresso во время моего последнего визита во Львов. Речь зашла о попытке штурма президентского дворца российскими спецназовцами на рассвете 24 февраля, о которой только что сообщил журнал Time. «У нас так много горизонтальных связей, мы бы могли сопротивляться иначе. Я лично провожу литературный фестиваль, Львовский международный книжный форум... Ну, я активизировала все свои литературные связи в стране, везде, чтобы собрать деньги, бензин, оружие для наших ребят. Нас об этом никто не просил, приказов мы не получали. Мы сделали это, потому что этого потребовали обстоятельства».

Именно благодаря этому разговору я начал понимать кое-что важное: если что в корне и отличает украинцев от русских, так это не язык или история, а форма организации, горизонтальная социальная структура, которая радикально противоположна русской вертикали. Это касается как активистов, будь то крайне правые, левые или анархисты, так и простых людей и представителей власти. Децентрализация, проводимая правительством Володимира Зеленского, дает много полномочий местным мэрам — полномочий, которые они так хорошо использовали в этой войне, — это не что иное как новейшее институциональное выражение этого глубоко укорененного инстинкта.

Антон Дробович, заканчивая говорить со мной об Игоре Терехове, в связи с этим подчеркивает: «Когда он отказался от русских предложений [о том, чтобы сдать город], то сказал это в такой последовательности: Харьков — Украина. Потому что в Украине для нас вопрос местного самоуправления — это не шутка». Правый украинский национа-

лизм с его австро-венгерскими корнями часто рассматривается как основное политическое выражение «украинства», хотя на самом деле это явление, характерное для меньшинства и укорененное в основном на западе страны; настоящая украинская политическая традиция, та, которая действительно формирует самосознание страны, прослеживается от запорожских казаков в XVII веке и через Нестора Махно с его утопическим островом в Гуляйполе в начале 1920-х годов до Майдана в 2014 году. Это традиция сопротивления, одновременно анархистского и местного происхождения.

Поле в Киевской области, затопленное после разрушения плотины. Ее обстреляли украинские военные в марте 2022 года, чтобы не дать российским войскам переправиться из Гостомеля в Мощун.
Antoine d'Agata / Magnum

На самое красивое выражение этих идей я натолкнулся в конце мая во время ужина в модном ресторане в Киеве с двумя другими моими друзьями. Севгиль Мусаева — крымская татарка, руководящая «Украинской правдой», основным интернет-изданием страны; ее муж Николай Давидюк — политолог. «Совсем недавно, — сказал он мне, — мы обсуждали с Севгиль, какое животное может быть символом Украины. У всех стран какой-нибудь есть, русский медведь, американский орел, французский петух, но не у нас. Наконец, мы подумали, что это должна быть пчела. Почему пчела? В мирное время она усердно работает ничего не прося, никому не доставляя вреда и не причиняя неудобств своим соседям. Но если улью вдруг грозит опасность, она становится очень злой и все пчелы нападают как одна, готовые умереть».

Я обдумываю это: «Это действительно хорошее сравнение. Но кто тогда королева-мать? У вас же нет царя». Он тоже думает, потягивая вино. Затем его лицо проясняется: «А, это просто. Королева-мать — это страна».

Джонатан Литтелл, Киевская область, Украина

Груз-200

Писатель Джонатан Литтелл и фотограф Антуан д'Агата побывали в моргах Украины, где хранятся тела убитых украинцев и российских солдат. Вот что они там увидели

01:04, 29 августа 2022

Источник: Le Monde

Meduza

<https://meduza.io/feature/2022/08/29/gruz-200>

Тело погибшего российского солдата в вагоне-рефрижераторе в Харьковской области. Май 2022 года
Antoine d'Agata / Magnum

С началом полномасштабной войны Украина превратилась в кладбище под открытым небом, где тела гражданских лежат вперемешку с телами украинских и российских военных. Эти останки нужно идентифицировать и сосчитать, чтобы зарегистрировать военные преступления, совершенные российской армией, — а также вернуть тела солдат на их родину. В мае 2022 года писатель Джонатан Литтелл и фотограф Антуан д'Агата (он сотрудничает в том числе с влиятельным агентством Magnum Photos) отправились в морги Бучи и Харькова — и поговорили с украинцами, которым приходится заниматься этой тяжелой работой. С любезного разрешения авторов «Медуза» публикует русский перевод репортажа Литтелла с иллюстрациями д'Агата. Французская версия была опубликована во французской газете Le Monde.

От редакции «Медузы». По просьбе автора мы сохранили написание украиноязычных имен, у которых есть аналоги в русском языке. В тексте присутствуют натуралистические описания тел людей, погибших насильственной смертью. Кроме того, некоторые снимки в этом материале содержат сцены жестокости и гибели людей, однако они **не помещены** под специальную плашку, которой обычно редакция скрывает подобные изображения. Именно так выглядит война.

На улицах Украины часто можно заметить фургоны с цифрами 200 на стеклах. Значение их здесь всем известно: «груз двести», советский военный код, обозначающий на жаргоне транспорт с телами убитых солдат. Иногда внутри находятся и гражданские; различий больше не делается. Машины перевозят трупы из одного места в другое, без усталости курсируя между перевалочными пунктами на их последнем пути.

Когда в конце марта российские силы отступили из Киевской области, они, подобно отливу, который обнажает на дне раков и моллюсков, оставили за собой трупы, рассеянные почти повсюду: на улицах, на дорогах, во дворах, в садах и на пустырях. Они были сфотографированы журналистами, зарегистрированы полицией, а затем развезены по местным моргам для судебно-медицинской экспертизы.

Морг Бучи, небольшое белое строение с одной-единственной процедурной и без холодильной камеры, оказался моментально переполнен, и перед ним пришлось припарковать несколько авторефрижераторов. Генеральный прокурор Украины Ирина Венедиктова (позже освобожденная от своих обязанностей президентом Зеленским) заявила, что хочет привлечь российские силы к ответственности за военные преступления и преступления против человечности по законам международного права.

Однако, несмотря на трупы, которыми пестрят первые полосы ежедневных газет и телевизионные новости, это не так-то просто. Нужно установить непосредственную причину смерти и предъявить доказательства умышленного преступления, что не всегда возможно ввиду состояния тел. У прокуроров и судмедэкспертов колоссальный объем работы. И с российскими трупами — которых тоже множество, — свои проблемы. Помимо трудностей материального порядка, которые создает труп, он представляет собой след, означающее содержание которого — ужас.

Украинский солдат в вагоне-рефрижераторе с трупами российских солдат. Харьков, май 2022 года
Antoine d'Agata / Magnum

В мае во дворе одного здания в Киеве я встречаю французских специалистов из Института криминальных исследований национальной жандармерии (IRCGN). Командированная сюда в апреле, эта первая партия жандармов только что выполнила свою миссию и готовится к отъезду. Мужчины и женщины, все в темно-синей униформе, с оружием на бедре, укладывают ящики в штабеля рядом с грузовиками, пакут оборудование в металлические контейнеры и собираются разобрать палатку при лаборатории. За ними весело приглядывает Дима, молодой украинский прокурор, который, перешучиваясь с ними, пьет пиво и предпочел бы, чтобы и его фамилия, и это место остались в тайне.

«Мы работаем по запросу украинской прокуратуры, — объясняет мне полковник Франсуа Элар, командир подразделения, во время долгожданного перерыва. — Мы бросаем наши силы туда, где их специалисты бессильны». Одна из его коллег, судмедэкспертка на гражданской службе и резервистка, подхватывает: «Мы помогаем местным медикам проводить освидетельствование — в частности, с рентгеновским оборудованием. В наши обязанности входит только внешний осмотр без вскрытия. В общей сложности мы осмотрели 200 тел. Большинство сильно разложились, пока лежали в земле, поэтому освидетельствовать их временами было непросто».

Эти трупы разделяются на три категории: трупы сожженные, трупы «взорванные» и изувеченные осколочными снарядами, а также тела с пулевыми ранениями, — «гражданские всех возрастов», уточняет полковник Элар. На 1347 погибших гражданских, зарегистрированных полицией Киевской области на конец июля, приходится от 50 до 70% погибших от пуль или ручного оружия, остальные стали жертвами артиллерийских обстрелов: погрешность весьма значительная, несмотря на все экспертные заключения.

И многие еще только предстоит идентифицировать. В отсутствие отпечатков пальцев, лиц, а иногда и голов остается только ДНК. Это и есть основной вклад жандармов, прибывших в Украину с единственной в Европе мобильной лабораторией секвенирования ДНК. Белая, чистая, компактная, эта лаборатория содержит все необходимое оборудование для секвенирования в одном-единственном автомобиле. «Во всех других странах, — объясняет мне офицер, отвечающий за генетическую дактилоскопию, — образцы привозят в лабораторию, тогда как мы можем ее [мобильную лабораторию] прислать и сделать все на месте, как было в случае с крушением самолета Germanwings [в 2015 году] или терактом в Ницце [в 2016-м]. Это намного быстрее и гораздо удобнее».

Идея собрать ДНК людей, заявивших о членах своей семьи, пропавших без вести, пришла в голову вице-мэру Бучи Михайлине Скорык-Шкариковской, которая попросила французов их секвенировать, объясняет другой жандарм — полковник, отвечающий за идентификацию личности. В пластиковой палатке он показывает мне, как посмертный образец ДНК (взятый у трупа) можно сравнить с прижизненной базой данных ДНК (взятой у семей пропавших без вести). На экране ряды цифр, аккуратно разбитые на столбцы, по одной строке на каждую жертву, с 21-м генетическим маркером — последнее, максимально абстрактные следы того, кем были эти люди до того, как их так жестоко убили.

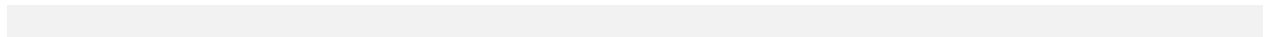
Их более конкретные следы, то есть сами тела, переполняют морги. Но попасть туда в Украине чрезвычайно непросто, а фотографировать там практически невозможно; правовая система здесь крайне ограничительная, и это в порядке вещей. Мы с фотографом Антуаном д'Агата смогли убедиться в этом еще до войны. В рамках проекта выставки, посвященной Бабьему Яру (ныне засыпанному оврагу в Киеве, где 100 тысяч евреев, коммунистов, солдат и мирных жителей были казнены нацистами между 1941 и 1943 годом) мы попытались задокументировать киевский морг № 1, расположенный прямо рядом с прежним оврагом. Нам пришлось потратить несколько часов на переговоры с

главным врачом и задействовать все наши связи, прежде чем нам разрешили сделать несколько расплывчатых снимков — а уж о холодильных камерах, которые уже тогда были заполнены до отказа, не могло быть и речи.

С началом войны «нет» стало категоричным: Антуан, сделавший в марте очередную попытку, получил безоговорочный отказ, который чуть позже по телефону получил и я. В Буче все начиналось так же, но французские жандармы в конце концов пустили нас внутрь.

Пока мы терпеливо ждем позади небольшой постройки, мы замечаем шесть металлических носилок с черными или белыми пластиковыми мешками. Они мирно лежат на солнце, наполняя весенний воздух сладковатым, одуряющим запахом разложения. Мешки не слишком тщательно закрыты; нога в черной кроссовке, покрытая тонким слоем песка, и красная, словно мраморная плоть голой щиколотки высовываются из застежки-молнии.

Когда нам наконец позволено войти, от запаха, пронизывающего все вокруг, перехватывает дыхание. Нас встречает еще совсем молодой медик, Сергей, который всего три года назад окончил школу; у него коротко стриженные волосы, довольно массивное тело и длинный белый пластиковый фартук, и его можно принять за подручного мясника на скотобойне. В коридоре на носилках дожидается своей очереди пожелтевший старик с ногами в синих пятнах; в палате другой врач заканчивает вскрывать грудную клетку умершей своей смертью женщины.

Морг Бучи в мае 2022 года
Antoine d'Agata / Magnum

На втором столе лежит недавно эксгумированное тело, совершенно зеленое и словно оплавившееся. «Гражданский, убит русскими нацистами», — поясняет Сергей. Он разрешает Антуану сфотографировать его, если не будет видно лица. Посреди грудной клетки покойного зияет большая дыра, «дыра достаточно большая, чтобы там поместился кулак, при условии что это небольшой кулак и при желании его туда засунуть», как писал Хемингуэй в своей «Естественной истории мертвых». Покойнику, чье лицо покрыто щетиной, должно быть около 50; его широко открытые глаза посреди лица, искаженного предсмертной гримасой и разложением, придают ему растерянный вид, как будто он все еще изумляется тому, что с ним случилось, когда осколок снаряда перебил ему спину.

Вокруг Киева почти все трупы, оставленные за собой российскими войсками или закопанные украинскими волонтерами в садах, палисадниках или братских могилах, уже давно извлечены, отданы на экспертизу и, если их удалось идентифицировать, захоронены снова. Случается, обнаруживают еще одно-два тела, спрятанные их убийцами на военной базе или в лесу.

Однако дело обстоит иначе с освобожденными в мае селами вокруг Харькова, на северо-востоке страны. Тамашние жители мало-помалу возвращаются, чтобы разгрести развалины своих домов, и все еще регулярно находят трупы. И каждый раз разыгрывается целое представление: полиция, военные, прокуроры, судмедэксперты, журналисты. Когда в мае 2022 года я осматриваю разрушенную улицу Ольховки, села, от которого остались руины, на полпути между Харьковом и новым фронтом у Старого Салтова, толпа в конце маленького переулка указывает: там что-то происходит. Перед изрешеченными осколками воротами дома около десятка журналистов — британцев, итальянцев, японцев — в ожидании обливаются потом под своими шлемами и бронежилетами. Во дворе собака обнюхивает ноги чужаков, куры нервно клюют бетонный пол, старик на скамейке с окладистой белой бородой, опираясь руками на трость, приветливо здоровается с вновь прибывшими.

Покойник за воротами, в курятнике; неподалеку от нас также стоят в ожидании два судмедэксперта в синтетических красно-белых комбинезонах. «Здесь нельзя проехать, нужно проверить, не заминировано ли тело», — объясняет один из них, указывая на троих ребят в бронежилетах с логотипом ГСЧС, гражданской обороны. Метод разминирования у этих специалистов довольно кустарный: они привязывают веревку к ноге трупа, выходят из курятника, просят, чтобы журналисты отошли в сторону к стене, и сильно дергают за веревку. Ничего не взрывается, и мы можем подойти посмотреть.

Мертвый солдат, найденный в Ольховке под Харьковом в мае 2022 года
Antoine d'Agata / Magnum

Покойник в униформе лежит на соломе посреди курятника; его ноги вроде бы целы, кисти рук, раздувшиеся и зеленые, спрятаны под мышками, от головы, изъеденной гниением, мало что осталось, кроме черепа. Красно-зеленое пятно на соломе указывает, где он лежал до того, как его вытащили. Никто, видимо, не знает, украинский это солдат или российский. Украинец — через несколько часов сообщат полицейские, сопровождавшие нас в этот день.

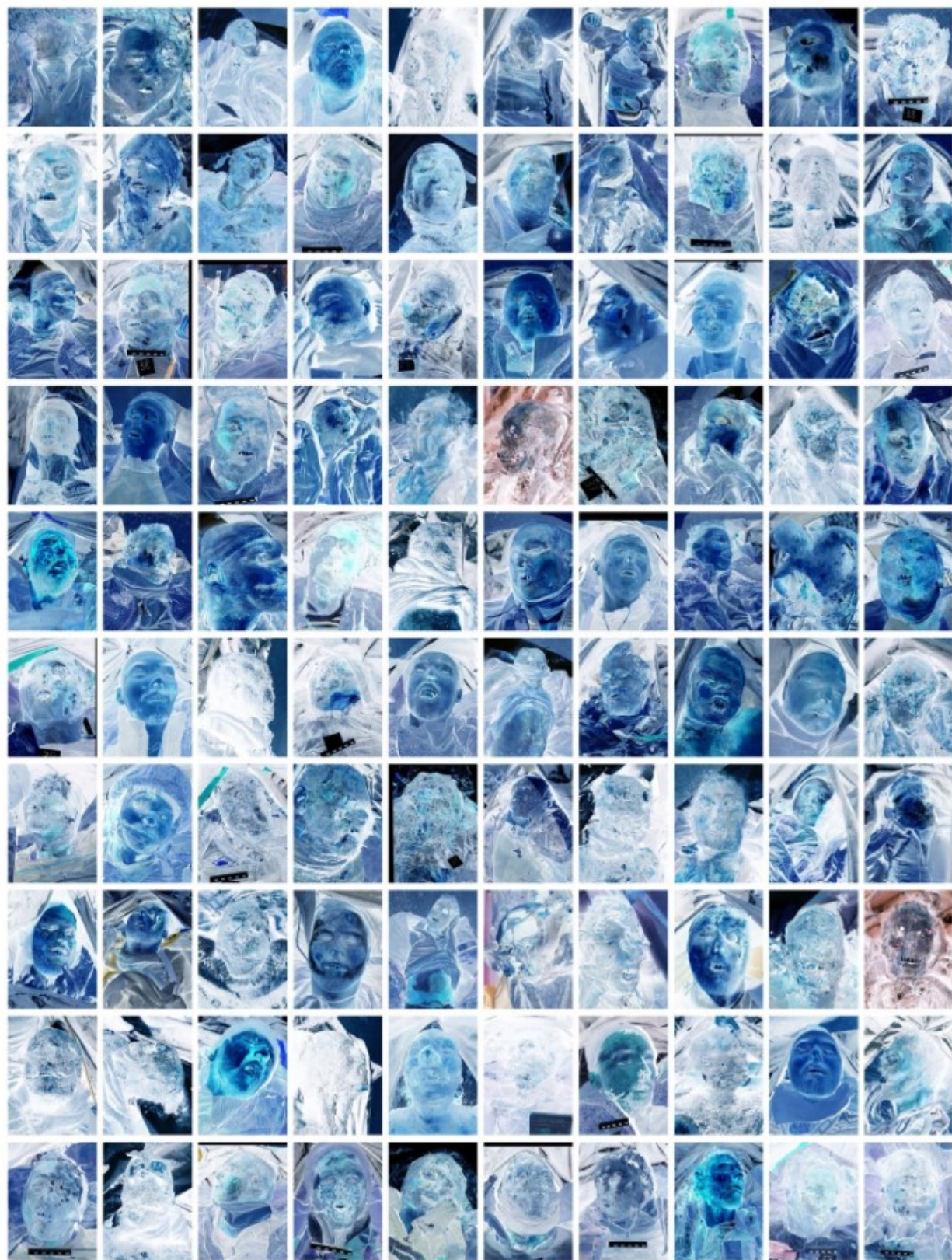
Хозяин дома, Олександр, не настолько в этом уверен. Во время российской оккупации он хотел остаться дома, «но мои женщины плакали, и мы ушли». Тело нашел брат соседа за несколько дней до его возвращения. «Я вам скажу по секрету. Это был переодетый русский. Форма на нем была украинская, но я слышал, что на нем нашли русский жетон».

Что касается российских трупов, то их мы в итоге увидим, и в большом количестве. В один прекрасный день мы посещаем харьковский морг. Во дворе люди, плача, забирают тела своих близких, положенные в ряд прямо на бетонном полу за большим пластиковым занавесом, чтобы отвезти их в фургонах на кладбище и наконец-то похоронить. Как обычно директор морга, крупный полный мужчина с лысой головой, категорически запрещает нам фотографировать; позже я узнаю, что он сам в свободное время талантливый фотограф-любитель, который снимает на павильонную фотокамеру в студии, как в былые времена.

Во время нашего разговора я замечаю солдат в глубине двора, рядом с которыми на землю свалено несколько черных мешков, и, покинув директора, я иду пообщаться с ними. Антон и его товарищ Вадим по прозвищу Лето возглавляют небольшой отряд военно-гражданского сотрудничества, который немного занимается гуманитарной помощью — и много занимается трупами. Перед нами, в мешках, найденные отрядом российские солдаты, о которых судмедэксперт морга должен теперь составить заключение: туда будут занесены имя погибшего, если его возможно установить, или хотя бы все его отличительные признаки, список его личных вещей, а также данные анализа ДНК. Антон выполняет свои обязанности так, как если бы он работал на скотобойне, без каких-либо эмоций: «Они для меня как тараканы. Ни больше ни меньше».

Тем временем его коллега Лето непрерывно разговаривает по телефону, в какой-то момент мне становится понятно, что он пытается найти фотоаппарат. «Наш сломался, — поясняет Антон, — а он нам нужен для составления отчетов». «Вы знаете, — мягко вставляю я, кивая головой на Антуана д'Агата, который неподалеку от нас явно сгорает от нетерпения, — у нас есть очень хорошая камера. И очень хороший фотограф». Антон делает большие глаза. «Серьезно?» И после короткого разговора дело в шляпе.

Так Антуан оказывается в роли судебного фотографа под руководством специалиста в синем комбинезоне, который держит для него головы и конечности тел, давая ему точные указания: этикетка на мешке, затем лицо, профиль, детали. Их всего дюжина, пять во дворе, а остальные под большой палаткой; работа идет почти два часа, и трупы не самые свежие. От некоторых остались только бесформенные куски плоти, разорванные на части взрывом; один из них, который выглядит получше, по-прежнему в шерстяном свитере с черно-белым узором, подходящем для горнолыжного курорта; что касается офицера Герасимова В. О., у которого на шее красуется цепь с крестом и перстнем, то он настолько сильно разложился, что на его черепе не осталось плоти.

Лица погибших российских солдат. Харьков, май 2022 года
Antoine d'Agata / Magnum

Запах стоит отвратительный, и это не то, к чему можно привыкнуть. От масок никакого толку, но со временем приучаешься дышать ртом, перекрывая нос изнутри; это немного помогает. На одном из тел видны татуировки, довольно замысловатые рисунки в стиле старой школы черной краской. Видно, что в них было вложено много времени, усилий и денег; судмедэксперт небрежно растирает тряпкой покрытую жирной землей кожу, чтобы Антуан мог получше их рассмотреть. Когда труп сфотографирован анфас, врач встает и, схватив его за ногу, переворачивает размашистым жестом; нога отрывается целиком и остается у него в руке. Антуан продолжает добросовестно снимать без лишних вопросов. «Отчего он погиб?» — спрашиваю я Лето, который абсолютно серьезно мне отвечает: «Он погиб оттого, что он пришел оккупировать нашу страну».

На следующий день Лето показывает нам места, где он обнаружил российских солдат. Напротив руин утопающей в зелени автозаправки на въезде к харьковской кольцевой на «островке безопасности», засаженном белыми и желтыми цветами, раскопана большая яма. В машине Лето рассказывал нам о своей учебе: подполковник, профессионал, который преподавал военную топографию с 1999 года; в марте, поскольку он сам уже был слишком стар, чтобы отправиться на фронт, он основал это подразделение вместе с Антоном.

Стоя над ямой, Лето подробно рассказывает нам о трупах, которые были там найдены: «В марте русские пришли сюда, на окраину города. Они обстреливали нас отсюда. И когда они уходили, они бросили здесь своих погибших. Надо сказать, сделали они это по всем правилам: тела были завернуты в брезент и в пластик».

Пока мы осматриваемся, со стороны города показывается ракетная установка «Град» и на большой скорости проносится мимо нас по направлению к фронту, громящая и поднимая огромное облако пыли. Асфальт усыпан осколками, пулями, пустыми гильзами — следами боев, которые велись, когда россияне были отброшены назад; чуть дальше, среди цветов, еще одна могила, пока не разрытая, увенчана табличкой, на которой краской написано на украинском: «Тут зарит окупант».

Вернувшись в Харьков, мы присоединяемся к Антону в морге: тела, которые мы видели накануне, нужно транспортировать к холодильному поезду, чтобы отправить в Киев. Привлеченные для этого водители скорой помощи не церемонясь грузят их в свои машины, которые для этого не предназначены, и они вынуждены кое-как сваливать их рядом со стационарными носилками посреди ящиков с медицинским оборудованием. «***** [блин], этот тяжелый. Наверное, подполковник», — ворчит один из ребят. «***** [черт поberi], нет, они все такие тяжелые, даже солдаты», — жалуется другой, волоча по асфальту очередной труп.

Завершив погрузку, небольшой конвой отправляется в сторону одной из промзон в черте города. Машины трясутся по разбитым дорогам между ветхими домами, порой поврежденными бомбардировкой. Состав стоит на заброшенных путях в потайном месте: шесть серых вагонов, прежде использованных для перевозки мяса. Единственный открытый вагон заполнен черными и белыми мешками, не меньше сотни; часть мешков лопнула, мы видим фрагменты тел, сведенное судорогой лицо. Пандуса нет, под дверь вагона кладут несколько поддонов, к которым скорая помощь припарковывается задом.

Антон и Лето надевают синие латексные перчатки и забираются в ледяной вагон, чтобы помочь поднять мешки, затем их бросают как попало друг на друга, и они тяжело падают с глухим стуком. Работа эта медленная и утомительная; водители скорой помощи, которые не помогают, стоят в сторонке, курят и разговаривают. Холод вагона, к счастью, немного смягчает запах.

«Когда вы их отправляете в Киев?» — «Не знаю. Это Киев решает».

Вагон-рефрижератор с телами погибших российских солдат. Харьков, май 2022 года
Antoine d'Agata / Magnum

В Киеве за все эти российские трупы отвечает Дима, приветливый молодой прокурор, который также сотрудничает с французскими жандармами. Он человек разговорчивый, экспансивный, веселый, а иногда и злой. Когда мы впервые встретились в мае во дворе дома, где жандармы готовились к отъезду, он сразу показал мне в своем телефоне серию фотографий разных зверств: гражданский, эвакуирующийся из Перемоги, с тремя пулями в спине, расстрелянные на дороге синие «жигули», в которых находилась семья из четырех человек внутри, включая двоих детей, и так далее.

Там также было много русских трупов: «Русская свинья, русская свинья, русская свинья», — повторяет он по-английски, прокручивая изображения. Дима в то время был очень расстроен: у него в Киеве застряло 30 рефрижераторных вагонов, набитых русскими телами, и это стоило ему больше 100 литров дизеля в день — большая проблема в условиях нынешнего «дефицита». «Я направил три запроса в министерство обороны России, чтобы они их забрали. Но они никогда не отвечают. Наверное, по политическим причинам. Они не хотят выплачивать компенсацию семьям, не хотят регистрировать новые потери. Пока все эти ребята остаются „пропавшими без вести“ — как моряки с „Москвы“, все прекрасно».

В конце мая, пока я нахожусь в Харькове, ситуация разрешается, когда Зеленский узнает о ней и приходит из-за этого в ярость: Россия наконец реагирует и обмен состоится через четыре-пять дней на границе, в месте, которое держится в тайне всеми заинтересованными сторонами. Обмен был «all for all, все на всех», — объясняет мне Дима, когда я встречаюсь с ним через несколько дней в тихом районе Киева за маленьким столиком у винного бутика с изысканными винами. Потягивая охлажденное просекко, он слегка углубляется в детали: «Вообще, „все на всех“. Но, насколько нам известно, у них до сих пор много тел в России и на оккупированных территориях. Мы вернули около 1800 тел. 1098, за вскрытиями которых я наблюдал лично, плюс 500, которыми руководили словацкие эксперты, приехавшие нам на помощь, плюс 200 с чем-то проводятся другой украинской группой».

Значительная часть информации остается конфиденциальной, но Дима показывает мне серию фотографий, сделанных внутри поезда, где эксперты в масках и белых костюмах берут образцы ДНК из замороженных трупов при помощи электрической дрели. Когда я снова связался с ним в начале июля по ватсапу, он был куда менее разговорчив. Дима ожидает дальнейших приказов, но все, что касается обмена, говорит он мне, стало чрезвычайно щекотливым после поставки HIMARS и гаубиц M777 американцами.

«У русских из-за вас большие потери?» Он колеблется, затем отвечает сардоническим перифразом: «Ты очень умный человек». Я пытаюсь задать другой вопрос: «Вагоны, которые я видел в Харькове, были отправлены в Киев?» Тот же ответ. «Вы готовите новый поезд?» Тот же ответ. Я понимаю, что больше ничего от него не добьюсь, однако вагоны продолжают наполняться. И кажется, они еще долго не опустеют.

Текст: **Джонатан Литтелл**, Киев — Буча — Харьков

Фото: **Антуан д'Агата** (Magnum Photos)

Последний блеф Путина

Писатель Джонатан Литтелл — о том, почему с 24 февраля Путин только и делает, что показывает миру свою слабость. А повышение ставок в войне лишь подтверждает это

05:40, 5 октября 2022

Источник: Le Figaro

Meduza

<https://meduza.io/feature/2022/10/05/posledniy-blef-putina>

Getty Images

Джонатан Литтелл — франко-американский писатель, автор романа «Благоволицы», а с начала российского вторжения в Украину еще и военный корреспондент, репортажи которого выходят и на «Медузе». С любезного разрешения автора мы публикуем русский перевод его новой колонки для французской газеты Le Figaro, посвященной ядерным угрозам Путина.

Джонатан Литтелл
Francesca Mantovani / Gallimard

Как плохой игрок в покер, который вот-вот все потеряет, лихорадочно удваивает ставку в отчаянной надежде, что остальные игроки в итоге спасуют, 21 сентября Владимир Путин бросил свои последние фишки на стол: «частичная» мобилизация мужчин призывного возраста, «референдумы» на украинских территориях с последующей формальной аннексией, ядерная угроза. «Это ва-банк», если пользоваться терминологией Маргариты Симоньян, главного редактора канала RT и одного из «ястребов» режима.

До сих пор Путин успешно блефовал. Всякий раз, когда «коллективный Запад», как он его называет, выражал недовольство его агрессивными действиями — аннексия Крыма и оккупация Донбасса в 2014-м, полномасштабное вмешательство в Сирию в 2015-м, интервенция наемников из ЧВК Вагнера в Центрально-Африканской Республике, Ливии и Мали, — он поднимал ставки, и наши политические лидеры, ошеломленные такой наглостью, пасовали после вялых протестов или введения незначительных санкций. А главное, они охотно продолжали качать его газ и нефть, тем самым напрямую финансируя направленные против них кампании по дестабилизации.

Но Путину недостает основного качества хорошего игрока в покер: способности понять, с кем он имеет дело, «прочитать» своего соперника. Путин, неспособный понять свободные умы даже в своей собственной стране, тем более никогда не понимал западные, которые он презирает и ненавидит. Таким образом, он так и не понял, что, несмотря на все наши уступки, все послабления, у нас тоже есть пределы, за которыми пути назад нет. С вторжением в Украину 24 февраля такого рода предел был достигнут. Сегодня даже ядерной угрозы будет недостаточно, чтобы заставить нас умыть руки от Украины, — настолько теперь Россия воспринимается как угроза существованию всего мирового порядка, установленного после 1945 года.

Мобилизацию, объявленную Путиным, следует понимать с оговорками, и украинцы справедливо не слишком ею обеспокоены. Насильно призванные в армию люди будут кое-как обучены на скорую руку, получат второсортное снаряжение из старых запасов, если им не придется покупать его самим, и могут быть оперативно отправлены на позиции только за счет снижения их эффективности в бою. В лучшем случае они заткнут дыры в российской обороне, но для наступления они бесполезны. Как сказал Владимир Зеленский 22 сентября, напрямую обращаясь на русском языке к новобранцам и их семьям: «Протестуйте, боритесь, убегайте, сдавайтесь в украинский плен. Это варианты для вас, чтобы выжить».

Мобилизованные россияне в учебном центре Центрального военного округа (ЦВО) в поселке Еланский Свердловской области
Донат Сорокин / ТАСС

Однако за такую мобилизацию Путин уже заплатил высокую политическую цену; это объясняет, почему он сейчас на фронте отступил настолько, насколько это возможно — несмотря на мощное давление со стороны армии и националистических кругов. Сотни тысяч людей всеми способами пытаются убежать из страны, для остальных же, кого теперь отрывают от семей, чтобы сделать пушечным мясом, режим и его война отныне предстанут в новом свете. «Ватники», если использовать популярный в Украине термин — то есть та часть населения, которая живет окутанная апатией, порожденной путинской пропагандой, словно в удобном ватном пальто, — внезапно обнаружили, что они голые, а вокруг холод.

Более того, несмотря на заверения Путина, эта мобилизация отнюдь не частичная: следуя директиве или же из чрезмерного усердия, губернаторы регионов мобилизуют не только мужчин, соответствующих заявленным критериям (наличие военного опыта),

или на худой конец задержанных демонстрантов, но и многодетных отцов, сотрудников стратегических предприятий, студентов, которых полиция забирает прямо из аудиторий, и даже больных и людей с инвалидностью. Уже даже кое-кто из ближайшего окружения Путина счел своим долгом выразить протест против этих «перегибов».

Что касается так называемых референдумов, проведенных в чрезвычайной спешке после военных неудач России на севере, то они остаются абсолютно фиктивными. Жители оккупированных регионов голосовали под дулом автомата, урны набили до отказа, чтобы получить желаемые цифры, и «результаты» были абсолютно предсказуемы. Аннексию, последовавшую за ними 30 сентября, разумеется, никто не признал, кроме нескольких миньонов России, а правительство Украины уже ясно дало понять, что для них это ничего не изменит.

Но для Путина это имеет определяющее значение: объявив эти территории частью Российской Федерации, он превращает в рамках своего дискурса захватническую войну против соседа в оборонительную. Поскольку российская Конституция запрещает уступку любой аннексированной территории, Россия теперь обречена на вечную войну за территории, которые она даже не полностью контролирует.

Здесь и заходит речь о ядерной угрозе. Российская военная доктрина предполагает гораздо более низкий порог применения ядерного оружия, чем западные доктрины, если территориальной целостности страны что-нибудь угрожает (*подробнее об этом читайте тут, — прим. «Медузы»*). Кроме того, начиная с 1990-х годов Россия, осознавая свою военную слабость по сравнению с НАТО, наращивала арсенал разного рода так называемого тактического ядерного оружия, менее мощного, чем бомба, использованная в Хиросиме, но которое способно стереть несколько квадратных километров с лица земли, выпустив при этом большое количество смертоносной радиации. Теоретически применение этого оружия против украинской армии должно вызвать у Запада такой сильный шок и такой страх более глобальной ядерной войны, что мы заставим украинцев уступить требованиям России. «Эскалация ради деэскалации», как называют это американские стратеги.

Разумеется, российские угрозы должны восприниматься со всей возможной серьезностью. Владимир Путин всегда говорил заранее о том, что он собирается делать, и в основном делал то, о чем говорил. Теперь его отчаянное безрассудство может привести к худшему. Загадочный саботаж трубопроводов «Северный поток — 1 и 2» в Балтийском море, вероятно, также является частью этой стратегии запугивания, обнажающей уязвимость нашей важнейшей инфраструктуры. Но даже ядерная атака не остановит украинцев от борьбы до победного конца с удесятеренной решимостью и ненавистью. Как недавно сказал президент Зеленский: «Холод, голод, тьма и жажда для нас не так страшны и смертельны, как ваши „дружба и братство“».

Микрорайон Харькова Северная Салтовка — 3, находящийся всего в 40 километрах от российской границы, постоянно подвергается обстрелам. 12 июня 2022 года

Metin Aktas / Anadolu Agency / ABACAPRESS / ddp images / Vida Press

Мы тоже не беззащитны перед лицом этой угрозы. Путин и его генералы прекрасно понимают, что НАТО неизмеримо сильнее них и способно принять самые разные ответные меры в случае ядерной агрессии. Вторичные санкции могут быть наложены на любую страну, покупающую российские нефть и газ, так же как и на страховщиков и судоходство, что лишит Путина последних источников дохода. До сих пор американцы остерегались предоставить украинцам определенные виды вооружения, самолеты, ракеты дальнего радиуса действия и тяжелые танки: это оставляет возможность сделать это в будущем. Также НАТО может вмешаться в конфликт напрямую, поскольку это будет рассматриваться как непосредственная угроза Европе, и может сделать это при помощи обычного вооружения, крылатых ракет и авиации, целью которых будет российская военная инфраструктура на украинской территории.

Джейк Салливан, советник президента Байдена по национальной безопасности, заявил об этом 25 сентября: «Мы прямо сказали Кремлю, и приватно, и на очень высоком уровне, что любое применение ядерного оружия будет иметь катастрофические последствия для России, что США и наши союзники отреагируют самым решительным образом, и мы четко и конкретно указали, что это повлечет за собой».

Наконец, очевидно, что «союзников» Путина, а это в первую очередь Индия и Китай, начинает утомлять этот обременительный «друг» со своей бессмысленной войной, который расшатывает экономику и мировую торговлю и непосредственно влияет на внутреннюю стабильность этих стран. Во время недавнего торжественного слета в Самарканде Си и Моди позволили себе это ему сказать: первый обиняками, а второй — напрямую. Сложно себе представить, что обращение к ядерному оружию оставит их равнодушными: в отличие от России, эти две державы достигли своего статуса благо-

даря существующему мировому порядку и хотят изменить его правила в своих интересах, но не разрушить. Кроме того, в связи с Тайванем неприкосновенность границ для Китая — основополагающий принцип. Путин знает, что это его последние дипломатические сторонники, последние экономические возможности и последние источники электронных компонентов, без которых ему не обойтись. Избрав путь, на котором его стране предстоит стать вассалом Китая, он не может пойти на попятный.

В сентябре 2004 года, обращаясь к стране после теракта в школе № 1 в Беслане (штурм, устроенный российскими силовиками для освобождения заложников, стал причиной 333 смертей, из них 186 детей), Путин — косвенно обвиняя Запад в поддержке террористов — сделал следующее безжалостное замечание: «Мы показали свою слабость. А слабых — бьют». С 24 февраля, даты своего вторжения в Украину, Путин только и делает, что показывает всему миру свои слабости. Прежде всего, слабость военную, поскольку его армия демонстрирует некомпетентность, коррумпированность, преступность и катастрофическое отсутствие дисциплины и мотивации. Затем слабость политическую, так как вызванные мобилизацией общественные беспорядки, порой выливающиеся в насилие, начали сотрясать страну и власти плохо понимают, как на них реагировать. Наконец, слабость стратегическую и дипломатическую, потому что он не способен придумать выход из войны, которая уже проиграна.

В очередной раз повышая ставки, он лишь выдает слабость карт, оставшихся у него на руках. «Это не блеф», — сказал он в своем обращении 21 сентября. Прекрасно. Со своей стороны в ожидании этого ва-банка, последнего шанса, мы категорически не должны «пасовать», и выложить наши собственные карты на стол. Для Путина, попавшего в ловушку собственных ошибок, победа Украины — это приговор. Мы должны сделать все возможное, чтобы обеспечить эту победу — залог возвращения мира и стабильности, как политической, так и экономической, в Европе.

Джонатан Литтелл

Мы сами позволяем Путину верить в то, что он еще не проиграл

Писатель Джонатан Литтелл подводит итоги первого года российско-украинской войны. Он уверен: Запад сделал недостаточно

01:54, 24 февраля 2023

Источник: Meduza

<https://meduza.io/feature/2023/02/24/my-sami-pozvolyaem-putinu-verit-v-to-chto-on-esche-ne-proigral>

Getty Images

В феврале 2022 года многие думали, что война продлится недолго и закончится тяжелым поражением Киева. В действительности уже в первые недели украинские войска сумели остановить наступление на Киев, сорвав планы путинского блицкрига. После чего Запад начал поставлять Украине вооружения, а ВСУ смогли переломить ситуацию и на других участках фронта. В 2022-м франко-американский писатель Джонатан Литтелл, автор романа «Благовоительницы», несколько раз побывал в Украине — и написал оттуда серию репортажей (они выходили по-русски на «Медузе»). Литтелл уверен, что Украина еще не одержала полную победу над Россией только потому, что Запад боится Путина и не готов предоставить Киеву ту помощь, о которой тот просит. «Медуза» публикует текст Литтелла по-русски, который одновременно выходит по-французски в газете Le Monde.

«Проигранная битва — это битва, которую мы считаем проигранной, — писал в начале XIX века граф Жозеф де Местр, посланник Сардинского королевства при царском дворе в Санкт-Петербурге. — Именно мнение проигрывает битвы, оно же их выигрывает». Сказанное о битвах верно и в отношении войн. По всем объективным критериям Владимир Путин уже проиграл преступную войну, развязанную им единолично год назад, 24 февраля 2022 года.

Ни одна из его первоначальных целей — молниеносный захват большей части страны, свержение правительства Володимира Зеленского и установление марионеточной власти, которая навсегда вернула бы Украину в лоно России, — не достигнута. Российская сторона лишилась элитных подразделений, лучше всего обученных и экипированных, потеряла до 200 тысяч человек убитыми и ранеными, так же как и половину своих танков, почти опустошила свои запасы высокоточных ракет и показала всему миру свою слабость. Отрезанная от основного мирового рынка, Россия по большому счету находится теперь в изоляции, под давлением небывалого прежде объема санкций ее экономика слабеет день ото дня, она потеряла свой крупнейший естественный рынок сбыта нефти и газа, лучшая часть ее элиты находится в изгнании.

В долгосрочной перспективе самым очевидным и самым бесспорным результатом этой войны будет окончательное превращение страны в вассала Китая. Благодаря тому что Соединенные Штаты выделили 5% от своего годового военного бюджета на поддержку Вооруженных сил Украины, около 50% российских военных ресурсов было уничтожено или понесло самый серьезный урон. Но Путин по-прежнему не верит, что проиграл войну; напротив, он продолжает ее вести, готовя новое большое наступление, чтобы взять Луганскую и Донецкую области под полный контроль.

Как такое возможно? Ответ прост: мы сами позволяем ему верить в то, что он еще не проиграл. Мы не делаем того, что необходимо, чтобы вынудить его — или, на худой конец, его окружение, несомненно готовое сместить его в случае поражения, — признать, что шансов на победу у него нет. Наблюдая за всеми нашими действиями по поддержке Украины — безусловно, серьезными, — этот замшелый агент КГБ имеет основания презрительно фыркать, и в этом мы можем винить только глубину собственной трусости и малодушия. Несмотря на все, что случилось за прошедший год, мы так и не поняли, что нужно прекратить сигнализировать ему о своей слабости, а вместо этого раз и навсегда решительно и недвусмысленно заявить: «Ты проиграл, останови эту войну и начни переговоры — или твоя армия будет безжалостно уничтожена в Украине всеми возможными средствами».

Эта игра в притворную демонстрацию силы не способна никого обмануть. Олаф Шольц, канцлер Германии, достиг в ней такого мастерства, что украинцы сделали из его имени глагол *scholzing*: «Заявлять о благих намерениях, чтобы затем использовать/находить/изобретать всевозможные предлоги, чтобы затягивать или препятствовать их исполнению». Что касается Эммануэля Макрона, то он, похоже, наконец понял, что, повторяя на все лады «нельзя унижать Россию», ничего не добьешься. Теперь он заявляет, что «Россия не может, не должна победить», это уже гораздо лучше. Однако он по-прежнему не осмеливается сказать, что Россия должна проиграть эту войну окончательно и безоговорочно.

Какую бы помощь Запад ни оказывал Украине, он отчаянно пытается дать понять, что у него есть свои ограничения. Изначально позиция американцев, ясная и рациональная, была вполне адекватна: ни один солдат НАТО не отправится воевать, и мы ни в коем случае не создадим угрозы законным границам России (но не двум незаконно аннексированным частям Украины). К этому нужно было с самого начала прибавить: «Кроме

того, мы сделаем все возможное для изгнания России из Украины». Почему же теперь некоторые лидеры упорно заявляют всему свету, что мы не можем предоставить украинцам авиацию, дальнобойные ракеты и так далее? Задумываются ли они о том, как Путин воспринимает эти заявления? «Владимир, несмотря на все, что мы видели, ты нас все равно пугаешь. Мы боимся твоих ракет, твоих ядерных бомб. И, чтобы доказать тебе наши добрые намерения, мы продолжим с тобой драться, убрав одну руку за спину». Вот так в глазах Путина выглядит наша неизменная поддержка Украины.

В ноябре 2022 года ракета упала на польскую землю и убила двух гражданских лиц. На мгновение Владимир Путин очень испугался: а вдруг НАТО наконец вспомнит про статью пятую [своего устава]? Но быстро успокоился. Почти сразу весь мир поспешил объявить, что речь идет об украинской ракете ПВО, по ошибке выпущенной не туда. Снова от всей души мы хотели избежать эскалации. На самом деле не важно, украинская это ракета или нет: Россия на нашем месте стала бы с пеной у рта утверждать, что это провокация НАТО. Мы же не стали заострять внимание на этом инциденте и не использовали его, чтобы выбить у Путина почву из-под ног, — и теперь Москва воспринимает это как безоговорочное признание нашей слабости. Это привело Путина к справедливому выводу — мы сделаем все, дабы избежать малейшей эскалации конфликта, поэтому у него по-прежнему развязаны руки в отношении Украины. Отсюда, безусловно, его решение расширить призыв и предпринять новое наступление в Донбассе, каковы бы при этом ни были человеческие потери, которыми можно пренебречь.

А украинцы? Они верят, что уже победили, — и негодуют из-за того, что их западные союзники этого не понимают и не предоставляют достаточно средств, чтобы довести дело до конца. Поставляя им вооружение в гомеопатических дозах, мы подвергаем их изощренной пытке: всякий раз они получают необходимое слишком поздно, спустя месяцы после того, как они могли бы решительно изменить стратегический баланс сил. Если бы у Украины в ноябре были танки, которые мы обещали им только сейчас, они бы могли продолжить контрнаступление на Лиман и Херсон, это позволило бы им отво-евать большую часть Луганской области и перерезать российский «сухопутный коридор» между Крымом и Донбассом в районе Мелитополя. Сегодня дела обстоят совершенно иначе; тогда же Кремль, оказавшись в отчаянном положении, возможно, сел бы за стол переговоров. Вместо этого война вовсю продолжается, разрушая города и жизни украинцев — и попутно губя европейскую экономику.

Украинцы, которые несут потери, почти столь же чудовищные, что и россияне, могут положить конец этой бесчеловечной войне уже в этом году. У них есть почти все, что нужно: миллион человек с оружием, решительно настроенных сражаться, прекрасно организованное командование и управление, владение методами современной войны и самыми последними достижениями в этой области (интеграция разных родов войск, использование в реальном времени данных разведки во всех ее формах, масштабируемая компьютерная визуализация поля сражения и тому подобное), несомненный потенциал для инноваций и адаптации и, наконец, сумасшедшая мотивация, растущая из необходимости защищать свою страну от экзистенциальной угрозы. Им недостает лишь кое-каких вооружений, которые могут склонить чашу весов в нужную сторону, пока у России остается только одно преимущество — превосходство в человеческой силе и готовности безоглядно его использовать.

Наши страны, во всяком случае западноевропейские, еще, кажется, не осознали степень экзистенциальной угрозы для всей Европы. Цель Владимира Путина состоит не только в завоевании Украины, но и в тотальном поражении всей нашей общественной системы и образа жизни, со всеми нашими свободами, открытостью и демократией, пусть несовершенной, но оттого не менее бесценной. Дело обстоит так, словно за

последние 70 лет мира мы забыли, зачем Европейский союз был изначально создан: чтобы на европейском континенте никогда больше не разгорелась межнациональная война. По мере того, как европейское сообщество расширялось, это видение, видение основателей, сначала трансформировалось в экономическую интеграцию, а затем — в колоссальную бюрократическую машину. А геополитика между тем растворилась в бесконечных протоколах и процедурах принятия решений. Теперь, благодаря нашей слабости и малодушию перед лицом очевидной угрозы, проявившимися в последние 20 лет, война вернулась, хотим мы того или нет. А с ней и геополитика.

Когда вам навязывают войну, есть только один способ решить проблему — выиграть ее. Украинцы правы, тысячу раз правы, утверждая, что они платят своей кровью за безопасность Европы. А что касается тех, кто, трепеща, напоминает о вероятности «третьей мировой войны», то пора понять, что стараниями Владимира Путина третья мировая война уже развязана и мы все в нее вовлечены: Европа и Соединенные Штаты, Китай и Африка, которая страдает от голода, вызванного российским вторжением, и от диктаторов, чья власть во все возрастающем числе стран держится на штыках кремлевских наемников.

Путин-то как раз знает, что втянут в тотальную войну; он, не стесняясь, заявляет об этом и ведет себя соответствующе, прекрасно понимая, что на карте стоит существование его режима и его самого. Поэтому он делает все возможное, чтобы не только захватить все больше и больше украинских земель, но и атаковать нас, откровенно пытаясь нанести нам ущерб: вмешательство в выборы, конспирологическая дезинформация в интернете, диверсии на трубопроводах, полеты дронов над стратегическими объектами в Балтийском и Северном морях, нарушения водного и воздушного пространства — это только начало, проверка, чтобы посмотреть, как далеко ему дадут зайти.

Путин отказывается признать себя побежденным. Но мы тем более не можем позволить себе проиграть, поскольку на кону потеря всего самого ценного для нас. Никто в Европе не хочет жить в мире по законам Дарвина, установленным Россией и Китаем, — иными словами, в мире, где сильный берет все, что ему заблагорассудится, а слабому остается только покориться или погибнуть. Мы должны твердо решить, что обязаны победить. Победа Европы в войне, которую мы не выбирали, зависит от победы Украины. И первым нашим шагом на пути к ней будет в нее поверить.

Джонатан Литтелл